

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

RAS INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR GENDER HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

CENTRE FOR ANCIENT AND MEDIAEVAL

PHILOSOPHY AND SCIENCE

**INTELLECTUAL TRADITIONS
IN PAST AND PRESENT**

4

2018

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

ЦЕНТР АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ

ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

4

2018

INTELLECTUAL TRADITIONS
IN PAST AND PRESENT
Volume 4 (2018)

EDITOR-IN-CHIEF

Maya S. PETROVA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lilian KARALI-GIANNAKOPOULOU, Prof.
(National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Irina G. KONOVALOVA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

António Pedro MESQUITA, Ph.D.
(Lisbon University, Portugal)

Slobodan Dan PAICH, Prof.
(Artship Foundation, San Francisco, USA)

Valery V. PETROFF, Dr.Sc.
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Lorina P. REPINA, Corresponding Member of RAS
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Gyula SZVÁK, Prof.
(Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

Anna Yu. SEREGINA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Andrey V. SEREGIN, Ph.D.
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Anna V. STOGOVA, Ph.D.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Boris L. FONKICH, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Founder

Russian Society of Intellectual History;
website: <http://roii.ru/>

Frequency: biennial

Published from 2012

Indexed by

Russian Index of Scientific Quotations
(from 2012)

All materials are peer reviewed

Editorial address

32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russia

Tel.: + 7 (968) 924-97-30

e-mail: aquilopress@gmail.com

website: <https://www.aquilopress.com>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
Выпуск 4 (2018)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н. М.С. ПЕТРОВА
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

проф. Лилиан КАРАЛИ-ГИАНАКОПУЛУ
(Афинский университет, Греция)

д.и.н. И.Г. КОНОВАЛОВА
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

Ph.D. Антониу Педру МЕШКИТА
(Лиссабонский университет, Португалия)

проф. Слободан Дэн ПЭЙЧ
(Artship Foundation, Сан-Франциско, США)

д.ф.н. В.В. ПЕТРОВ
(Институт философии РАН, Москва, Россия)

член-корр. РАН Л.П. РЕПИНА
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

проф. Дюла СВАК
(Университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия)

д.и.н. А.Ю. СЕРЕГИНА
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

к.филол.н. А.В. СЕРЁГИН
(Институт философии РАН, Москва, Россия)

к.и.н. А.В. СТОГОВА
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

д.и.н. Б.Л. ФОНКИЧ
(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

Учредитель

Российское Общество интеллектуальной
истории; сайт: <http://roii.ru/>

Периодичность: один раз в два года

Выходит с 2012 года

Издание индексируется в

Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ), 2012

Публикуемые материалы рецензируются

Адрес редакции

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. +7 (968) 924–97–30

e-mail: aquilopress@gmail.com

сайт: <https://www.aquilopress.com/>

УДК 9.94
ББК 63.3 и 87.3
И 73

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ /
М.С. Петрова (ред.) — М.: Аквилон, 2018. Вып. 4 — 512 с.

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем — научное периодическое издание, посвященное истории идей, проблемам их рецепции, переноса и трансформации. Применительно к истории, философии, филологии, науке, культуре изучается кросс-культурное и межцивилизационное взаимодействие при трансляции знания, выявляются и прослеживаются традиции и цепочки интеллектуальных влияний для разных исторических периодов.

Для историков, историков философии, культурологов, социологов и литературоведов.

INTELLECTUAL TRADITIONS IN PAST AND PRESENT /
Maya S. Petrova (ed.). — Moscow: Aquilo Press, 2018. Vol. 4. — 512 p.

Intellectual Traditions in Past and Present is a periodical with a focus on the history of ideas, the problems of their reception, translation and transformation. Cross-cultural and inter-civilization interaction in the transmission of knowledge is studied in relation to history, philosophy, philology, science, and culture, traditions and chains of intellectual influences are traced and explored for different historical periods.

For specialists in history, philosophy, sociology, science, culture, and literature.

Эл № ФС77–54409
ISSN 2307–8189

А К В И Л О Н
AQUILO PRESS

Intellektual'nye tradicii v prošlom i nastoâšem /
M.S. Petrova (red.). — Moskva: Akvilon, 2018. Vypusk 4. — 512 s.

© М.С. ПЕТРОВА, ред., 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Аквилон», 2018

© M.S. PETROVA, ed., 2018
© Contributors, 2018
© Aquilo Press, 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

All rights reserved

No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher

В.Ф. АСМУС И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В 1936 ГОДУ

В.В. Петров

Поводом для написания этой статьи явилась публикация С.Н. Корсаковым¹ отрывков из стенограммы собрания советских писателей, состоявшегося 31 августа 1936 года и посвященного разоблачению «врагов народа». На этом собрании В.Ф. Асмус выступил с фактическим доносом на уже ушедшего из жизни Андрея Белого. Асмус объявил собравшимся о своем «открытии»: автором, печатавшимся много лет назад в символистском журнале «Весы» под псевдонимом «Аврелий», был Андрей Белый, и, стало быть, написанная «Аврелием» в 1905 г. антиленинская статья тоже принадлежит Белому. В своем выступлении Асмус методично, по пунктам обвиняет Белого в различных прегрешениях против революции, приписывая ему работы и других авторов из журнала «Весы». Кроме того, поскольку в аполитичном литературно-критическом журнале «Весы» почти полностью отсутствовал материал, который можно было бы трактовать как контрреволюционную пропаганду, в позднейшей статье для тома «Литературного наследства» Асмус вводит в рассмотрение сборник политической публицистики «Вехи» (1909), который ни по составу авторов, ни по проблематике, не имел отношения к «Весам».

Исходно я хотел ограничиться кратким комментарием к работе С.Н. Корсакова, указав на то, что применительно к неверной атрибуции псевдонима «Аврелий» Асмус либо ошибается, либо совершает сознательный подлог. В 1936 году было еще достаточно людей не понаслышке знакомых с историей символизма, которые прекрасно знали, что «Аврелий» — это анаграмма от «Валерий» — имени Валерий Брюсова, единоличного руководителя журнала «Весы», формировавшего всю его публикационную политику. А в наше время достаточно заглянуть в аннотированные указатели журнала «Весы»², где найдется вся необходимая информация. Таким образом, эссе «Свобода слова», в котором критикуются идеологические основания программной статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», написано не Андреем Белым, но Валерием Брюсовым (о чем знают все специалисты по Брюсову). Однако по мере погружения в материал стало очевидно, что 31 августа 1936 г. представляет собой событие, в котором схлестнулись и переплелись пути людей, в повседневной жизни практиче-

¹ Корсаков (2017). Эта труднодоступная публикация перепечатывается в настоящем выпуске «Интеллектуальных традиций» (см. *выше*).

² Аннотированные указатели содержания «Весов» см.: Соболев (2003); Игошева, Петрова (2001).

ски не контактировавших, биографии которых, обыкновенно, рассматриваются в отрыве друг от друга. Наложение разных жизненных траекторий создало в тот день своеобразный центр пересечения силовых линий: линии жизни историка философии В.Ф. Асмуса; линии жизни советских писателей, сотрудничавших с журналом «Знамя»; линии жизни Андрея Белого (протяжение которой в физическом мире прекратилось в 1934 г., но в ином качестве и измерении продолжается и поныне), линии жизни людей, которые были так или иначе связаны с Асмусом и Белым либо оказались причастны к рассматриваемым событиям.

У самого Белого к этому есть хорошая иллюстрация. В одной из своих «Симфоний» он описывает движущуюся конку, в которой на недолгий срок, по воле случая, оказались вместе самые разные пассажиры. Еще недавно они не имели друг к другу никакого отношения — Белый сравнивает их со звездными мирами, удаленными друг от друга на невообразимые расстояния. И, тем не менее, на время совместной поездки они образовали внутри вагона новую неустойчивую вселенную (которая неминуемо распадется, как только люди покинут вагон). В общих чертах известно, кто такие В.Ф. Асмус, Андрей Белый, Вс. Вишневский и др.; понятно, что вторая половина 1930-х была годами «большого террора». Но при близком рассмотрении точка пересечения этих «общих» планов становится силовым центром, в котором завязались в узел исполненные трагизма судьбы. Поэтому применительно к собранию в редакции журнала «Знамя» мы последовательно рассматриваем контексты, на первый взгляд почти не связанные друг с другом, но образовавшие при пересечении вполне осязаемую и не сулящую благополучного исхода реальность. Аспекты этой оплотнившейся действительности могут быть пересобраны, как кубик Рубика, в зависимости от точки зрения и желаний наблюдателя. Мы реконструируем эту реальность такой, какой она видится с точки зрения линии жизни Андрея Белого. Но хотя главными персонажами этой истории являются Валентин Асмус и Андрей Белый, мы также говорим о людях, которых в тот день в редакции журнала «Знамя» не было и быть не могло, но которые оказались причастны к рассматриваемым событиям.

Что это было за собрание. Собрание в «Знамени» состоялось 31 августа 1936 г. За несколько дней до этого, 25 августа, после показательного суда и смертного приговора, были расстреляны 16 человек, так или иначе поддерживавших во второй половине 1920-х годов Льва Троцкого и принадлежавших к «объединенной оппозиции». Среди них оказались бывшие партийные руководители (Григорий Зиновьев, Лев Каменев), государственные и военные деятели, работники идеологического фронта³. Офици-

³ К числу последних принадлежали Вагаршак Тер-Ваганян — первый редактор журнала «Под знаменем марксизма» (1922–1923), Ричард Пикель — литературный и театральный критик, автор популярной книги о Демокрите (1924) и ярый критик «реакционного» творчества писателя М. Булгакова, Александр Эмель (Моисей Лурье) — выпускник Берлинского университета, бывший член компартии Германской, профессор исторического факультета МГУ, автор книг по социальным движениям и религии евреев.

ально это был процесс об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». Дело слушалось в Военной коллегии Верховного суда СССР, открытые заседания которого проходили в Октябрьском зале Дома Союзов. Во время суда и после него по всей стране была организована кампания в поддержку этого процесса, а подсудимых обвиняли в подготовке убийства руководителей СССР. Союз писателей активно включился в пропагандистскую кампанию. 21 августа писатели публикуют в газете «Правда» коллективное письмо «Стереть с лица земли!» (среди подписантов — Федин, Павленко, Вишневский, Пастернак, Погодин, Леонов). 25 августа с той же повесткой дня собирается президиум Союза писателей (где выступают Олеша, Луговской, Инбер, Погодин, Вишневский). 27 августа в «Литературной газете» печатаются коллективные письма: «Защитникам агентов гестапо» и «Да здравствует революционная бдительность НКВД и твердость пролетарского суда!», а также отдельные публикации, вроде заметки Агнии Барто «Гады растоптаны»⁴. Наконец, 31 августа проходит интересующее нас собрание в редакции журнала «Знамя». Поскольку с момента своего основания в 1934 г. журнал был органом Союза писателей СССР, на собрании присутствовали не только члены редколлегии, но и члены Союза писателей. К числу последних относился и Валентин Асмус.

Главным редактором «Знамени» в 1934–1948 гг. был Всеволод Вишневский, который вел собрание. Он начал с того, что применительно к раскрытой органами НКВД троцкистской террористической организации не следует ограничиваться их недавними злодеяниями. Углубившись в историю, Вишневский сначала подробно изложил историю борьбы Ленина и его соратников против врагов революции, а добравшись до текущего момента и положения на литературном фронте, подчеркнул, что враг проник и в писательскую среду:

«Бывают художественные сомнения, колебания <...> Их можно превратить в колебания политические <...> Троцкий, Каменев и вся их агентура <...> расставляли своих людей, подбирались к командным постам в критике, в редакциях, в издательствах. <...> В издательстве “Academia”, где орудовал Каменев, было много его ставленников. <...> В своей ненависти эти пролезшие люди доходят до того, что в последнюю минуту меняют отдельные слова в наборе, в типографиях. Навредить хоть так...» (Стенограмма, л. 25).

В связи с этим Вишневский призывает соратников:

«Необходимо как следует проверить, просмотреть всю продукцию этих “критиков” буквально за 10–15 лет для того, чтобы четко выяснить какая у них была тактика на этом участке. Надо тут расшифровать все до конца» (Там же).

⁴ О выступлениях советских писателей в поддержку процессов периода «большого террора» см. ПРИЛЕПИН (2010), с. 284–301.

Вишневский подчеркнул, что враги попытались проникнуть и в «Знамя», «но этот орех им оказался не по зубам. Здесь — военные, коммунисты, ЛОКАФовцы»⁵.

После речи главного редактора начались прения, в которых выступили полтора десятка человек. Стенограмма заседания, передающая атмосферу собрания, передает озабоченность и взволнованность собравшихся суровым приговором, только что приведенным в исполнение, но выступления лишены истерии и кликушества, которую демонстрировали тогда «Правда» и «Литературная газета». Постоянными авторами «Знамени» были люди, если не с военным прошлым, то писавшие на военную тематику⁶, отличавшиеся от штатских литераторов тем, что с меньшим энтузиазмом относились к политике, интригам и доносительству: у прошедших войну другой психотип. Выступавшие в основном следуют схожей схеме: выражают дежурную тревогу, а затем бесхитростно иллюстрируют свою озабоченность бытовым негативным примером, подсмотренным из жизни. Можно предположить, что так они демонстрируют свою приверженность недавно провозглашенному методу социалистического реализма, определение которого было дано двумя годами ранее на первом съезде Союза писателей и затем закреплено в его уставе: «правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания в духе социализма».

На этом нехитром фоне обращают на себя внимание выступления двух «теоретиков»: Виктора Шкловского, активно сотрудничавшего со «Знаменем», и приглашенного Валентина Асмуса. Шкловский, как человек литературно более искушенный, чем сосредоточенные на военной тематике авторы, выделился тем, что представил яркий образ троцкиста посредством обращения к мировой литературе:

«Есть такой роман Стивенсона — “Приключения мистера Джекилла и доктора Хайдля”. Там выводится человек — оборотень. С одной стороны, это честный человек, но потом он выпивает какое-то лекарство и превращается в террориста. Потом снова принимает первоначальный образ и молится богу. Такой художественно-выраженный двурушник, который вспоминает о себе как о пещере, в которой он сам скрывается. Это пророческий образ троцкиста» (Стенограмма, л. 38).

⁵ ЛОКАФ — «Литературное объединение Красной Армии и Флота» создано в июле 1930 г. В 1931 г. основан журнал ЛОКАФ (с 1933 г. переименован в «Знамя»). Один из создателей и с 1930 г. член редакции журнала «ЛОКАФ» — Сергей Дмитриевич Мстиславский (1876–1943). Входил в группировку «Скифы». С 1931 г. — редактор издательства «Федерация». Руководил семинаром Литературного института. Умер в эвакуации в 1943 году.

⁶ Специфика журнала «Знамя» состояла в том, что он был связан с политуправлением Красной Армии. Как отметил, выступавший на собрании сотрудник «Знамени» писатель Сергей Вашнецев: «Мы — оборонный журнал. Конечно, и другие журналы должны быть оборонные, но мы — журнал, созданный как раз для этой цели» (Стенограмма, л. 88).

Пользуясь своим методом остранения, Шкловский расчеловечивает выявленных и расстрелянных «троцкистов», именуя их «оно»:

«И оно в костюме, который на нем висит, оно плачет, потому что оно не может обернуться обратно. Вот так я себе представляю людей, которые плакали на процессе. Мы виноваты в том, что позволяли людям делать из себя пещеры» (Там же).

Эхом устного выступления Шкловского через полгода стала опубликованная М. Шагинян в «Литературной газете» заметка «Чудовищные ублюдки». Она была посвящена уже другому процессу и другому приговору, но суть это этого не меняется. Шагинян творчески развивает сюжет, который полугодом ранее был озвучен Шкловским:

«Есть старый английский роман. В нем описан человек, ведущий двойную жизнь. Днем это обыкновенный уважаемый гражданин, ночью все его темное, порочное, гнусное, нечеловеческое отделяется, обособляется и выходит на охоту, выходит двуногим существом с видимостью человека, но это *не* человек. Романист должен был показать читателю, что это уже *не* человек. Каким приемом? Англичанин додумался: прохожие ночной улицы видят поспешно идущую фигуру, видят, как перед нею на тротуаре поскользнулся и упал ребенок, и видят, как эта фигура, с человеческим обликом быстрой походкой, не меняя пути и не задерживаясь, проходит через ребенка, наступив на него ногой. Ничего нечеловечней этого романист представить себе не мог. Когда читаешь страшный документ, где люди, именовавшие себя социалистами, клявшиеся словами «рабочий», «трудящийся», «народная масса», с последним бесстыдством признаются, что им *наплевать на народ*, — как будто видишь жуткую фигуру нежити, ступившей ногой на живое тело. В английском романе чопорные лондонцы хотели растерзать нечеловеческую фигуру. Мы, жители советской страны, уничтожаем чудовищных ублюдков, пытавшихся наступить ногами на тело многомиллионного разбуженного, растущего к счастью и знанию великого советского народа!»⁷.

Выступление В.Ф. Асмуса в тот день отличалось от прочих в нескольких отношениях. Во-первых, он был человеком со стороны — хотя и членом Союза писателей, но не прозаиком и не поэтом. По образованию и роду занятий Асмус был историком философии. Осенью 1936 года в письме к генеральному секретарю Союза писателей В.П. Ставскому⁸ Асмус поясняет:

«Обладея большой трудоспособностью, пишу медленно, так как веду огромную педагогическую работу — как профессор философского — Института Красной Профессуры и как профессор

⁷ Шагинян (1937), с. 4. Титул заметки словно предвосхищает название фильма К. Тарантино “Inglourious Basterds”, но лишен иронии и изыска последнего.

⁸ Письмо представляло собой ответ на опросник, посвященный загруженности и гонорарам писателей.

Высшего Коммунистического Института Просвещения, а также научную работу — как профессор Института Философии Академии наук СССР»⁹.

Членом Союза писателей В.Ф. Асмус стал как «литературовед». Вторым его особенностью было то, что он единственный, кто не ограничился в тот день критикой в адрес *уже* осужденных, но разоблачил *нового* врага. В самом деле, никто из выступавших не пытался обнародовать имя новой жертвы. И только Асмус называет новое имя — Андрея Белого, недавно скончавшегося классика до- и послереволюционной эпохи — и при этом посвящает ему практически всё свое выступление.

Почему Андрей Белый? Причина тому, что Асмус обратился к истории русского символизма (теме, не входившей в поле его профессиональных интересов), заключалась в том, что в издательской серии «Литературное наследство»¹⁰ готовился к изданию том, посвященный В. Брюсову, А. Блоку и Андрею Белому. Выбор этих персон был продиктован не только масштабом их вклада в развитие символизма, но и тем, что 1) они приняли революцию; и 2) уже стали историей (т.е. ушли из жизни). Об упоминании сравнимых по значимости фигур — здравствующих эмигрантов В. И. Иванова и Д.С. Мережковского не могло быть и речи¹¹. Идеологически выверенное введение ко всему тому поручили писать В.Ф. Асмусу — «красному профессору», начинавшему как протеже А.М. Деборина¹².

К моменту выступления на собрании журнала «Знамя» В. Асмус уже несколько месяцев работал над заданной темой, в основном сосредоточив свои усилия на чтении комплекта символистского литературно-художественного, научного и критического журнала «Весы». Журнал, выхо-

⁹ «Письма писателей и критиков В.П. Ставскому по творческим вопросам» (октябрь-декабрь 1936), РГАЛИ, ф. 631 оп. 15, ед. хр. 138, л. 4-5, — цит. по Антипина (2005), с. 86.

¹⁰ Серия основана в 1931 г. Первые два тома (1931-1932) вышли под грифом РАППа и Института ЛИЯ Комкадемии.

¹¹ В 1934 г. Белого еще ставили вровень с Блоком и Брюсовым. В предисловии ко 2-му тому воспоминаний Андрея Белого Цезарь Вольпе писал: «Блок, Брюсов, Белый — вот три вождя русского символистического движения, деятельность которых тесно связана с зарождением советской литературы» (Вольпе [1934], с. VI). Однако в написанном «От редакции» предуведомлении к «символистскому» тому 27/28 «Литературного наследства» уже выстроена иерархия: Брюсов и Блок считаются «лучшими представителями этого направления», тогда как деятельность Мережковского и Гиппиус названа «бесславной». Белый там же определен как автор «одного из основных мемуарных памятников эпохи», требующего, однако, со стороны читателя «сугубо критического отношения». В финале преамбулы редакция резюмировала: «Литературное наследство этих писателей — Брюсова, Блока, в меньшей степени Андрея Белого — заслуживает, естественно, внимания в первую очередь».

¹² В начале 1930-х, в результате критики со стороны молодого, «сталинского» поколения советских философов в лице М.Б. Митина и П.Ф. Юдина Деборин уже был смещен с должности ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма» и поста руководителя Института философии, но оставался влиятельным функционером Академии наук СССР.

дивший с 1904 по 1909 г., был основным органом русских символистов. «Весами» руководил В. Брюсов, а среди активно печатавшихся авторов был и Андрей Белый. И Брюсов, и Белый, как было принято ту эпоху, публиковались в журнале не только под своими именами, но и под псевдонимами.

То, с чем Асмус выступил на собрании редакции журнала «Знамя», представляло собой раннюю редакцию вводной статьи для т. 27-28 «Литературного наследства», знакомство с которой позволяет лучше понять его мотивы и логику. Статья, которая отрывала том, называлась «Философия и эстетика русского символизма». Уже на первой странице, в разделе «Политическое лицо русского символизма», Асмус выстраивает четкую иерархию, объясняющую, почему можно резко критиковать одних символистов и сквозь пальцы смотреть на ошибки других:

Одни из вождей символизма, как, например, **Мережковский**, стали <...> злейшими врагами победившего революционного народа. Другие, как, например, **Андрей Белый** и **Максимилиан Волошин**, приветствовали революцию <...>, но остались чужды и даже враждебны философским и научным основам революционного мировоззрения революционного класса. Третьи, как **Блок**, не только радостно встретили бурю социалистической революции, но нашли в себе мужество открыто порвать с <...> кругами буржуазной интеллигенции <...>. Четвертые, как, например, **Валерий Брюсов**, не только приняли Октябрьскую революцию, <...>, но решились претворить свою идейную оценку события в практическое действие, вступили в ряды партии рабочего класса — партии большевиков¹³.

Поскольку выступление или критическая статья с необходимостью должна была быть обличительной, то, за неимением других кандидатур — Брюсов и Блок были уже канонизированы¹⁴, а прочие замалчивались, —

¹³ АСМУС (1937), с. 1 (том сдан в набор 15.07.1937, а подписан к печати 19.05.1938).

¹⁴ Брюсов изначально воспринимался, как более «советский», чем Белый. В 1919 г. он вступил в Коммунистическую партию. В декабре 1923 г. его 50-летие чествовалось в Большом театре. Основанный им Высший литературно-художественный институт (предшественник Литературного института им. Горького) стал называться Высшим литературно-художественным институтом имени В.Я. Брюсова. К 50-летию ему вручили почетную грамоту рабоче-крестьянского правительства (правда, отказали в просьбе Луначарского наградить Брюсова орденом). Брюсов написал кантату «На смерть Ленина» (М., 1924): «Кто был он? — Вождь, земной Вождый / Народных воль, кем изменен / Путь человечества, кем сжаты / В один поток волны времен». Кантату Брюсова (положенную на музыку Михаилом Багриновским) издал Моссовет. Но поскольку к брошюре было присоединено предисловие председателя Моссовета Каменева, в котором тот упомянул, что вождь мирового пролетариата «по рождению потомственный дворянин, сын действительного статского советника», брошюру пустили под нож. Скорая смерть Брюсова способствовала его канонизации. Сергей Есенин писал в некрологе (1924): «Умер Брюсов. Эта весть больна и тяжела, особенно для поэтов... Лучше было бы услышать о смерти Гиппиус и Мережковского, чем видеть в газете эту траурную рамку о Брюсове. Русский символизм кончился

любая критика в томе по символизму неизбежно адресовалась Андрею Белому. Много позже, в 1956 г., Б. Пастернак напишет об А. Блоке:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин иль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все разливающих свет¹⁵.

Быть «мертвым и хулимым» выпало Белому. Собственно, уже на заре советской власти так рассудил в газете «Правда» от 1 октября 1922 г. один из коммунистических вождей — Л.Д. Троцкий, в тот период еще полагавший, что станет преемником Ленина: «Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет»¹⁶. В 1936 г., во время гонений на сторонников Троцкого, было уже неважно, что Белый не принадлежал к его симпатизантам, но, напротив, являлся пострадавшей стороной (после выступления Троцкого перед Белым на несколько лет закрыли возможность печататься).

Хотя драматургия момента предполагала, что на собрании в редакции журнала «Знамя» Асмус спонтанно откликнулся на призыв Вишневого не ограничивать выявление врагов текущим моментом, но подвергнуть ревизии недавнее прошлое, на деле его речь против Белого (и Асмус не скрывает этого в своем выступлении) являлась сводкой критических тезисов из статьи по философии и эстетике символизма, к работе над которой он приступил летом того же года. Таким образом, выступление Асмуса — не бесхитростный экспромт, как у других выступавших, но продуманный и по пунктам построенный отчет о проделанных научных «изысканиях», в результате которых удалось обнаружить доселе скрытые прегрешения буржуазного писателя Андрея Белого. В тот день, 31 августа 1936 г., Асмус перереформировал научный труд под нужды политического момента. Исследование было представлено в жанре фундированного политического доноса против А. Белого. Из «истории русского символизма» была выбрана единственная линия: «контрреволюционная деятельность Андрея Белого».

давно, но со смертью Брюсова он канул в Лету окончательно <...> Он всегда приветствовал все молодое и свежее в поэзии. В литературном институте его имени выросли и растут такие поэты, как Наседкин, Иван Приблудный, Акулышин и др. Брюсов первый пошел с Октябрем, первый встал на позицию разрыва с русской интеллигенцией. Сам в себе зачеркнуть страницы старого бытия не всякий может. Брюсов это сделал». (Брюсов действительно отрекся от символизма, но не по политическим причинам, а посчитав его изжитым эстетически и поэтически.) В стихотворении на смерть Брюсова поэт Василий Дембовецкий писал: «В Москве, в полуночном Кремле, / Он пребывал, как внемлющий оракул, / И вместе с Лениным к земле / И припал, и слушал он, и плакал», см. МОЛОДЯКОВ (2010).

¹⁵ ПАСТЕРНАК Б. «Ветер. Четыре отрывка о Блоке» (1956), в: ПАСТЕРНАК (2004), с. 169.

¹⁶ См. ПЕТРОВ (2017), с. 71.

Примечательно, что материал, которым оперирует Асмус, за отдельными исключениями не выходит за рамки публикаций в журнале «Весы» за 1904–1909 гг. Как мы покажем ниже, при этом Асмус приписал Белому статьи и рецензии, которые принадлежали другим авторам «Весов». В печатной версии эти работы будут атрибутированы корректно, что говорит о том, что в устном выступлении Асмус сознательно вводил собравшихся в заблуждение.

Начало карьеры Асмуса. Кем был Асмус к 1936-му году? Он один из последних, успевших получить образование у дореволюционной профессуры. Впрочем, вследствие исторических катаклизмов качество этого образования неизбежно ухудшилось. Сразу же после поступления в Киевский университет в 1914 г. Асмус вместе со всем факультетом был эвакуирован в Саратов из-за начала Первой мировой войны и наступления немецких войск. После возвращения в Киев он попал в условия политической нестабильности, которая сотрясала Украину и Киев.

К особенностям поведения В.Ф. Асмуса относился принципиальный конформизм: он всегда поддерживал текущую власть. Когда в 1919 г. Киев на некоторое время заняли войска А.И. Деникина (1872–1947), Асмус, только что закончивший университет, публикует в киевской газете «Жизнь» антибольшевистскую статью с монументальным заглавием «О великом пленении русской культуры»¹⁷. Занятие деникинцами Киева он опрометчиво отождествил с падением большевизма вообще. Асмус пишет в статье о противоречиях «павшего советского режима», замечая, что «Карл Маркс был <...> соблазнитель, и <...> вред, причиненный его учением, был неисчерпаем» (351). Что касается содержательной части статьи, то «первая, неотложнейшая задача», которую постулирует Асмус, — это «раскрепощение всей духовной культуры из губительного, смертного пленения, в которое ее ввергло безумие современного коммунистического рационализма и механистического марксистского идолослужения» (354). В своих рассуждениях Асмус апеллирует к Бергсону, на которого дважды ссылается прямо, о также использует термин «культурная эволюция» из бергсоновской «Эволюции творчества» (1907). Олицетворением великого соблазна Асмус именует Карла Маркса, для которого «духовная культура, духовное творчество, “сознание” стали не исконным, не главным, но чем-то вторичным, производным, реальностью второго порядка». Говоря о строительстве новой, пролетарской культуры, Асмус отмечает, что «захватив в свои руки государственную власть, большевизм стал употреблять громадные усилия на то, чтобы в пределах коммунистического режима духовная культура не только не была ниже “буржуазной”, но чтобы, напротив, далеко оставила ее за собою». Тщетно: «вся пресловутая “пролеткультура” в лучшем случае не поднималась выше убогого, детского подражания великим образцам культуры “буржуазной”, а «вожди

¹⁷ АСМУС (1919), с. 4–8 (переизд. М.Н. Громовым и Н.А. Куценко в ИФЕ 2005, с. 350–358). Примечательно, что в том же номере газеты «Жизнь» под псевдонимом «Frater Tertius» опубликованы три философские притчи Сигизмунда Кржижановского, см. КРЖИЖАНОВСКИЙ (1919).

коммунистической духовной культуры взирали на ужасающую, еще на Руси невиданную, бездарность всех этих бесчисленных “пролетпоэтов”, “пролетхудожников” и “пролетмузыкантов”, жадной саранчей истреблявших серые страницы советской бумаги, [а] также... советские кредитные билеты». Асмус с сожалением отмечает, что «лирические откровения Александра Блока, Клюева и Есенина» были «немедленно экспропрированы большевистским государством <...> А везде и всюду поспевающие Ивановы-Разумники написали “философские” статьи [о том], <...> что синица уже зажгла море и что наступила и прочно вселилась в мир новая — “пролетарская культура”». Совокупное упоминание Клюева, Есенина и Иванова-Разумника свидетельствует о том, что Асмус имеет в виду сборники «Скифы», в которых вместе печатались эти авторы¹⁸. Характерно, что при этом ни словом не упомянут Андрей Белый, который был одним из самых активных участников «скифских» сборников.

Об этой своей статье, опубликованной в августе 1919 г., Асмус позднее никогда не упоминал. Советская власть вернулась, чтобы окончательно утвердиться в Киеве осенью 1920 г., а Асмус круто меняет мировоззрение и становится советским философом, а поскольку независимой философии для большевиков не существовало, Асмус сознательно решил работать на идеологическом фронте, отправившись защищать режим и формы мышления, которые ненавидел. Уже очень скоро Асмус будет критиковать прежде любимого Бергсона (Асмус 1926а) и защищать учение Маркса (Асмус 1933).

Он начинает работать на кафедре философии философско-социологического отделения Украинского института марксизма-ленинизма и в 1924 году уже публикует книгу «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина» (Киев: Сорабкоп, 1924). В Москве работа получила разгромный отзыв. В опубликованной журналом «Под знаменем марксизма» рецензии Н.А. Карев не находит для Асмуса слов одобрения¹⁹. Он отмечает несоответствие титула книги ее содержанию: «название — “до Ленина” следует назвать несколько претенциозным, так как судьбы диалектики после Маркса автором не затронуты вовсе». Рецензент отмечает незнакомство Асмуса с литературой: «[Асмус] ссылается, как на своего предшественника в области истории диалектики, на А.М. Деборина, но знает, очевидно, только статью последнего о Фихте в “В.С.А.”²⁰» (Карев 1925, 247). Карев также разбирает неверные с его точки зрения представления Асмуса о метафизике и диалектике, упрекая его в верхоглядстве и поспешности: «Мы думаем, что наш автор избавился бы от многих бед, если бы не торопился с изданием книги и своими рассуждениями, не продумав до конца самых основ

¹⁸ *Скифы*. Сб. 1 (1917); *Скифы*. Сб. 2 (1918).

¹⁹ См. КАРЕВ (1925). Николай Афанасьевич Карев (1901–1936) — преподаватель и сотрудник 1-го Московского государственного университета, Института красной профессуры и Института философии. Автор статей по материалистической философии и диалектике, критик текстологии А.А. Богданова, эмпиризма, позитивизма и др. В 1926–1927 гг. принадлежал к политической оппозиции. Осуждался как «меньшевиствующий идеалист». В 1933 г. исключен из ВКП(б), расстрелян в 1936 г.

²⁰ ДЕБОРИН (1923).

того, о чем он пишет, местами — в изложении других, не самого себя, — очень неплохо» (251). Карев замечает, что «автор не знает, очевидно, иностранной литературы по предмету» (252), и подытоживает: «Мы имеем интересную, местами (в изложении истории) полезную работу по диалектике, но ни действительной теории, ни действительной истории диалектики все еще нет и с выходом этой книги»²¹.

Отрицательная рецензия в Москве не повредила карьере Асмуса. С этого времени и в дальнейшем, на работе и в быту он будет представляться (и именоваться) «профессором». При советской власти он не бедствует. В 1924 г. он уже обзавелся семьей, дачей под Киевом, куда, как он не без гордости сообщает, к нему «явился» его учитель — знаменитый философ А.Н. Гиляров (1856–1938):

«Когда, спустя пять лет после окончания университета, в конце весны 1924 года я издал свою первую книгу — “Диалектический материализм и логика” (Киев, изд. Сорабкоп, 1924) и подарил ее своему старому профессору, Гиляров, в то время уже действительный член Украинской Академии наук, явился ко мне в Екатериновку — дачное место под Киевом, возле Святошина, где я проводил с семьей лето, и, едва поздоровавшись со встретившей его у ворот моей женой, сразу, не садясь, начал говорить о моей книге»²².

А в Москве Деборин не забыл своего молодого «продолжателя», и уже через год Асмус, ставший рьяным поборником Маркса, начинает печататься в возглавлявшемся Деборином журнале «Под знаменем марксизма». По поручению Деборина он публикует разгромную рецензию на книгу А. Варьяша (Варьяш 1926), которую заканчивает словами: «Основание, на котором т. Варьяш строит огромное здание своего труда <...>, настолько ненадежно, что от последующих выпусков и томов не ждешь особой радости» (Асмус 1926b). Тогда же он публикует статью, в которой развенчивает своего бывшего кумира — Анри Бергсона. Делая это, он подчас держит

²¹ КАРЕВ (1925), с. 252. Ср. позднее свидетельство — письмо М.А. Лифшица А.В. Македонову» (4.11.1973), Лифшиц (2013), с. 141-142: «Я спросил Лосева, какого он мнения об Асмусе. “Как же, — говорит, — помню. Бегал сначала ко мне, потом к Деборину. В античной филологии — полный невежда”».

²² Асмус (2010), с. 310. Через несколько лет этот брак распадется: уже в Москве Ирина Сергеевна Асмус полюбит поэта Бориса Пастернака. Летом 1930 г. семейства Асмусов, Нейгаузов, и Пастернаков будут жить на дачах в Ирпени под Киевом. В поэта были влюблены, как минимум, жены Асмуса и Нейгауза, но победительницей выйдет Нейгауз, на которой Пастернак вскоре женится. Ирине Асмус достанется утешительный приз в виде стихотворения «Лето», в котором женщины, окружавшие Пастернака в то лето, сравниваются с табуном кобылиц: «В дни съезда шесть женщин топтали луга...» (при первой публикации в 1931 г. «Лето» имело посвящение И.С. Асмус, в последующих изданиях посвящение было снято). Тем не менее, их связь не прервется: 30.10.1933 г. Андрей Белый записывает в дневнике, что вечером к нему в гости пришли П. Яшвили, Б. Пастернак и «жена профессора Асмуса, у которого я был в Киеве», БЕЛЫЙ (2016), с. 1004.

фигу в кармане. Например, в статье о Бергсоне Асмус не без видимого удовольствия приводит пространную цитату из С.Н. Булгакова:

«Для разрешения всех вопросов Маркс рекомендует одно универсальное средство — “практику жизни”; достаточно оглушить себя гамом и шумом улицы, и там в этом гаме, в заботах дня, найдешь исход всем сомнениям. Мне <...> это приглашение <...> кажется чем-то равносильным приглашению выпить до бесчувствия. Приглашение вывалиться в “гущу жизни”, которое в последнее время стало последним словом уличной философии и рецептом для разрешения всех философских вопросов и сомнений, и у Маркса играет роль *ultima ratio* философии»²³.

Подробность цитирования заставляет предположить, что под словами Булгакова Асмус, наберись он храбрости, мог бы подписаться и сам. Но, процитировав, он затем «топит» Булгакова:

«Совершенно очевидно, что так понять гносеологический смысл тезисов Маркса о Фейербахе мог только человек, смертельно напуганный “практикой жизни”, “гамом и шумом улицы” — революционной улицы. Этот испуг (и еще кое-какие деяния, о которых мы здесь не станем вспоминать) далеко завел г. Булгакова — в самую “гущу жизни” белой эмиграции. <...> По существу, отношение к практике у Бергсона — то же самое, что и Булгакова»²⁴.

Скажем несколько слов относительно «страха улицы». Асмусу свойственен специфический прием вытеснения, посредством которого он обличает других людей в фобиях и прегрешениях, которые сам переживал или совершил. Он не имел контактов с русскими рабочими и крестьянами²⁵. В детстве Валентина всячески оберегали от «контактов с улицей». Эта отгороженность имела и социальный, и культурный характер: 11 лет — все формативные годы — Валентин провел в частном немецком Екатерининском реальном училище (с 1903 по 1914 г.). Сильным потрясением для него в отрочестве стал погром, пережитый их семьей в Константиновке. Беспорядки были устроены русскими рабочими и направлены против бельгийцев — служащих, инженеров и квалифицированных рабочих (Там же, 237). Можно предположить, что в тот момент в домашнем немецком мальчике навсегда поселился страх перед толпой русских и отвращение к русскому бунту. Вот как Асмус, подбирая слова, описывает это на старости лет:

²³ Булгаков (1907), с 16-17.

²⁴ Асмус (1926а), с. 80.

²⁵ Отцом Валентина был немец — Фердинанд Гейнрих Вильгельмович Асмус, служивший клерком на Бельгийском АО донецких стекольных, бутылочных и химических заводов. Мать — русскоязычная украинка Пелагея Игнатъевна Тищенко. У Асмусов говорили по-русски, но родственники со стороны матери предпочитали украинский, а «дяди» (мужья теток) и вовсе были украинофилами (Асмус [2010], с. 267, 274).

«Наша монотонная и замкнутая жизнь была вдруг потрясена событием, которое заставило нас выглянуть за околицу изолированного существования. <...> В начале 1900-х годов в Константиновке произошел безобразный **бельгийский** погром. <...> В одну из темных июльских ночей меня и брата родители разбудили и стали поспешно одевать. Мама сняла висевшие у нас в комнате иконы и расставила их на подоконниках — так, чтобы с улицы их хорошо было видно. Одевшись, мы все вышли из дома. <...> Недалеко от нас слева по улице пылал зажженный громамилами дом, в котором жили бельгийцы. По улице неслись крики собравшейся и бушевавшей вокруг дома толпы... <...> Мои родители спасались и спасали своих детей от “восставшей” против бельгийцев несознательной части **русских рабочих**» (Там же, 236-238).

Оговорка про «русских рабочих» не случайна. Это практически точное воспроизведение известной фразы Н.В. Гоголя, начинающего «Мертвые души» так: «два *русские* мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания»²⁶. Асмус боялся русской улицы, и именно это он инкриминирует С.Н. Булгакову.

Андрей Белый в 1930-х. В отличие от успевших рано уйти из жизни Блока и Брюсова, Андрей Белый дожил до 1934 года, т.е. успел испытать на себе первые три года страшных 1930-х. Белый был легкой добычей для критиков. Если Блок практически целиком посвятил себя поэзии и не увлекался теоретизированием, а Брюсов, отдавая дань теории, предпочитал организационную деятельность, Белый был одним из крупнейших теоретиков символизма, множество раз проявившим себя публично и печатно. Всегда искренний и несдержанный в выступлениях и сочинениях, он имел множество уязвимостей. «Городской сумасшедший» для глаз обывателей, он был автором «Петербурга» — одного из величайших русских романов периода модернизма, автором новаторских, образно-философских «Симфоний». Он являлся реформатором русской прозы и стиха, основателем учения о русском стихосложении. Белый был практикующим мистиком и убежденным антропософом, верным последователем Рудольфа Штейнера. Последний труд его жизни — огромный трактат «История становления самосознающей души» — являлся развитием учения Штейнера. В годы революции (и вплоть до начала 1930-х) он дружил и тесно сотрудничал с Р.В. Ивановым-Разумником, который был близок к левым эсерам, активно печатаясь в соответствующих изданиях. В начале 1920-х Белый непрерывно выступает: в Пролеткульте, в ТЕО Наркомпроса, в Вольфиле, во «Дворце искусств» и пр.²⁷ Его лекционная деятельность прекратилась в 1923 г.,

²⁶ Гоголь (2009), с. 9.

²⁷ В автобиографии, составленной 12.11.1932 г., Андрей Белый так говорит о своей лекционной активности в период 1918-1922 гг.: «С революции начинается ряд служб и обязанностей: в Пролет-Культе (лектор, консультант), в Тео-Наркомпроса (завед. теоретической секцией), в “Дворце Искусств” (член Совета,

после разгромной критики со стороны Троцкого. У поколения начала 1930-х его фигура ассоциировалась с книгами «воспоминаний», в которых описывались события последних лет XIX и первого десятилетия XX века, давались яркие, шаржированные портреты крупнейших представителей университетской Москвы, деятелей Серебряного века и пр.²⁸. В этих воспоминаниях, первые два тома которых вышли в 1930 и 1933 гг., а третий — уже после смерти писателя (фактически в 1935 г.), Белый, в частности, делает попытки «оправдаться» перед новым режимом, заявляет, что никогда не был «мистиком», но всегда был ученым–естественником²⁹. Впрочем, закаленный в битвах участник символистских баталий начала века Андрей Белый был совершенно беспомощен, когда неуклюже отбивался от атак советских газетных критиков. «Я беспомощен, как слон», мог бы он сказать о себе словами Свифта. Собственно, он так и заявил в своих обращенных к советской общественности воспоминаниях:

«Существует музей всех “козьячных” привкусов “мистицизма” в символизме; и ни звука о “слоне”, без которого символизм — не символизм: о диалектике вращения метода вокруг метода, в итоге которого развивается эмблематика частных смыслов: школьно-художественных, частно-научных и прочих»³⁰.

Белый хочет сказать, что, хотя критики выделили уже столько разнообразных проявлений «мистицизма» у символистов, что хватило бы для экспозиции в музее, они не поняли главного: символизм проявлялся многогранно — как художественная школа или направление, как метод, как теоретическое построение и даже как своего рода натурфилософия (ср. Гете). Даже этот, особой выделки, язык Белого (проявляемый, нужно заметить, в работах, обращенных вовне; тогда как в письмах и дневниках лексика и

член основатель, завед. археологическим отделом), в Вольно-Философской Ассоциации (Председатель, член совета, лектор курсов), в организационных заседаниях “Лито”, в “Лито” (лектор), в Охране Памятников Старины (собрание материала по движению коллекций в эпоху франц. революции), в разработке программы Института Театральных Знаний (Ленинград), в Ленинградском доме Искусств (лектор), в Ленинградском отделе Управления (лектор — кратковременно), в библиотеке Ленинградского Отдела Наркоминдела, в организации Союза Поэтов в Ленинграде (1921 г.), в организации Союза писателей, членом правления которого состоял (в 1918 г.) и т.д.», см. БЕЛЫЙ (1993), с. 365.

²⁸ БЕЛЫЙ (1930); БЕЛЫЙ (1933); БЕЛЫЙ 1934 (на титуле указан 1934 г., но книга вышла в 1935 г.; текст писался в 1932–1933 гг.)

²⁹ БЕЛЫЙ (1930), с. 193–194: «Белый — маска Б. Н. Бугаева, имеющего диплом первой степени о прохождении им курса точных наук и соответственных лабораторных занятий. На основании какого же права безглазый смысл написанного символистом? На основании права передержек. И я почтительнейше прошу, чтобы при ОГПУ было открыто отделение суда и кар за передержки, имеющие тенденцию дискредитировать; и сфера критики должна иметь критику в суде высших государственных органов». Подробнее о Белом как «естественнике» см. нашу статью «Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме» в этом же сборнике.

³⁰ БЕЛЫЙ (1930), с. 194.

синтаксис близки к общеразговорным) ставил между ним и советскими читателями непреодолимую преграду. Не случайно, И.М. Нусинов (1889–1950)³¹ открыл свою, направленную против романа Белого «Маски» статью, эпиграфом из академика АН СССР М.Н. Покровского³²: «Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком. Они говорят непонятным языком не для того, как чеховский герой, чтобы показать свою образованность, а чтобы скрыть свою неленинскую сущность» (Нусинов 1933). Воистину, говоря словами А. Синявского, разногласия между автором и эпохой были, прежде всего, стилистическими: настало время иного нарратива. Публичные попытки Белого позиционировать себя как «советского» писателя вызвали ироническую, покровительственную или недружественную реакцию у критиков. Как школьника, теоретика символизма все время поверяли на соответствие социалистическим нормативам. Тот же Нусинов с симпатией отмечает: «Проникся ли он [Белый] верой в новую культуру и в возможность творческого созидания осмысленной жизни? <...> Он неоднократно заявлял о своей вере в творчество революции, в преодоление революцией извечной стихии “монгола”. Он сделал значительный шаг по пути к этому новому осмысливанию жизни» (Нусинов 1933). И Белому постоянно приходилось доказывать, что да, он перековался, поверил в идеалы большевиков, перестал быть мистиком. Он признавался во многих грехах, но не менялся внутренне. В архиве его остался большой автобиографический очерк, написанный в Кучино в марте-апреле 1928 г., название которого звучит как ответ и друзьям, и недругам: «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития»³³.

Примечательный пример того, как работала память Белого: название третьего тома его воспоминаний повторяет заглавие сборника статей Льва Каменева³⁴. Белый работал над третьим томом, когда вышел второй, предисловие к которому написал Каменев. Текст был разгромным, так что Белому его даже боялись показывать в верстке из опасений, что он отзовет книгу из печати.

Для Белого же дело было не шуточным: не имея собственного дома, он жил у друзей или на съемных квартирах, его заработок, а значит существование, зависели от того возьмут или не возьмут книгу в печать³⁵. От-

³¹ Исаак Маркович Нусинов (1889–1950), литературный критик. В 1914–1917 гг. изучал литературу и философию в Италии и Швейцарии. С 1922 г. преподавал в 1-м и 2-м МГУ, в Институте красной профессуры, в МГПИ. Входил в редакционную коллегию Литературной энциклопедии. Во время борьбы с космополитизмом подвергся преследованиям. Арестован в 1949 г., умер в тюрьме.

³² Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — историк-марксист. Лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР». Академик АН СССР (12.01.1929).

³³ БЕЛЫЙ (1994).

³⁴ КАМЕНЕВ (1923).

³⁵ Ср. письмо Белого к А.С. Петровскому (март 1932): «У меня нет сейчас почти никакого заработка, ибо 2 года почти лежат без движения “Маски” и “Начало Века” в “Тихле”; за них получено все, что можно до выхода получить; кабы не пен-

части для заработка и написаны три тома воспоминаний, которые Белый однажды окрестил литературной поденщиной.

Но все повседневные тяготы показались ничем после того, как за антропософов, виднейшим представителем которых был Андрей Белый, взялось ОГПУ³⁶. С 1923 г. Русское антропософское общество находилось в «катакомбном» состоянии. 27 апреля 1931 г. в Москве начались аресты его членов. Белый и его гражданская жена Клавдия Николаевна Васильева (1886–1970) в это время жили у Иванова-Разумника в Детском Селе. 8 мая в Москве арестовали П.Н. Васильева, брак с которым у Клавдии Николаевны на тот момент еще не был расторгнут. Из квартиры Васильева сотрудники ОГПУ изымают сундук с рукописями и бумагами Белого. Таким образом, рукописи попали в распоряжение следователей³⁷. Вскоре в Бутырской тюрьме, среди прочих, оказались ближайšie к Белому люди, включая Е.Н. Кезельман (сестру К.Н. Васильевой) и друзей Белого — А.С. Петровского, П.Н. Зайцева. 30 мая в Детском арестовали саму Клавдию Николаевну. Белого не тронули. Сохранились два его письма к З.Н. Райх, жене В.Э. Мейерхольда:

«Пищу — Вам и Вс<еволоду> Эм<илиевичу>, — вот по какому поводу: 8 мая *заболели и уехали* Петр Ник<олаевич> Васильев (муж Кл<авдии> Ник<олаевны>) и Ел<ена> Ник<олаевна> (сестра Кл<авдии> Н<иколаевны>); *уехали почти все мои друзья*; а 30 мая явились к Раз<умнику> Вас<ильевичу> за моей милой Кл<авдией> Ник<олаевной>. <...> П.Н. Зайцев *тоже уехал* (все — в одно место); у меня

сия (я стал персональным пенсионером), то заработок был бы “0” <...> К этому всему предельная нагрузка с литературной работой; к сроку должен сдать книгу о Гоголе и вдобавок: была очень большая переработка “Начала Века”, которое 7 месяцев лежало зарезанным цензурой, потом <...> дано вторично в цензуру другим полит-редакторам, которые <...> заставили многое переработать. В итоге, — всю осень и зиму какое-то мучительно-бессонное перепиранье сквозь дни с недосыпом, так что когда на днях слег, то проспал часов 20» (Белый [2007], с. 274).

³⁶ Применительно к «делу антропософов» я использую главу «Андрей Белый в следственном деле антропософов 1931 г.» из книги: СПИВАК (2006).

³⁷ 26 июня 1931 г. Белый пишет заявление в Коллегию ОГПУ: «В ночь с 8-го на 9-ое мая 1931 года по ордеру ППОГПУ Московской области был произведен обыск в квартире моих ближайших друзей, доктора Петра Николаевича Васильева и его жены, Клавдии Николаевны (Плющиха, д. 53. кв. 1); в этой квартире в течение ряда лет я хранил сундук с рядом литературных материалов, без которых в работе мне не обойтись (выписки, цитаты, черновики, наброски, ряд ненапечатанных рукописей, ремингтонированных и писанных, материал моих работ по ритму, анализу словесных форм, диаграмм, схем, рукописи, приготовленные к печати, личный дневник, в котором и субъективные записи, и наброски, к [возможным] будущим исследованиям, набор всех моих напечатанных книг, из которых некоторые при утрате, я бы не мог достать, математические сочинения моего отца, Н.В. Бугаева, биографический материал для себя лично, часто весьма интимный и т.д.); сумма этого материала является для меня орудием производства; сундук с надписью, сделанной моей рукой, был при обыске вскрыт агентами ОГПУ, что значится в протоколе: “Из сундука, принадлежащего *по словам* (?) Васильева гр. Белому изъята разная переписка”», см. МАЛЬМСТАД (1993а), с. 352.

увезли сундук с рукописями, книгами и всем, наработанным за 10 лет, стоявшим у Кл<авдии> Ник<олаевны>. <...> Послал Горькому письмо; да что Горький! Просьба моя к Вам: <...> если у Вас есть знакомые, могущие справиться о судьбе К.Н. (невинна же она, бедняжка, — ни в чем нет вины!), обратитесь к ним. <...>»³⁸.

«Мне хотелось бы лично видетъся с цензорами; и им объяснить, где в моем множестве бумаг, дневников и лит<ературных> материалов *ответы* на их занимающие вопросы; или: мне хотелось бы кому-нибудь из видных партийцев лично передать это и многое другое; или чтобы кто-нибудь из друзей *это передал*, пока я сижу здесь, ожидая письма ехать, или устроил бы мне свидание с людьми, с которыми я по прибытии в Москву мог бы побеседовать. <...> Но я уповаю, что *грамотные люди* разберут степень недоразумения 1) с К.Н., 2) с моими друзьями»³⁹.

17 мая Андрей Белый обратился с письменной просьбой к Горькому посодействовать возвращению рукописей: «Без этого материала я как писатель выведен из строя, ибо в нем — компендиум 10 лет <...> труда». Ту же просьбу он адресовал ОГПУ⁴⁰. 27 июня, при посредничестве В.Э. Мейерхольда, Белый получил часовую аудиенцию у Я.С. Агранова (1893–1938)⁴¹, заведующего Секретно-политическим отделом Центрального аппарата ОГПУ. Агранов «работал» с творческой интеллигенцией: надзирал, дружил с некоторыми ее представителями, по мере надобности — уничтожал. Белый подробно объяснился с Аграновым, поведав тому даже о тяготах своей личной жизни (К.Н. Васильева, не желая расстраивать свою мать, медлила разводиться с мужем) и об отсутствии жилплощади⁴². Помимо

³⁸ Белый А. Письмо к З.Н. Райх от 8.06.1931, в: Белый (1998), с. 680.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. «Заявление А. Белого в Коллегию ОГПУ СССР в связи с изъятием архива писателя» (26.06.1931), Артизов, Наумов (1999), с. 150–153.

⁴¹ Гуль (1992), с. 63: «При Дзержинском состоял, а у Сталина дошёл до высших чекистских постов кровавейший следователь ВЧК Яков Агранов <...> ставший палачом русской интеллигенции. Он убил многих известных общественных деятелей и замечательных русских учёных: профессора Тихвинского, профессора Волкова, профессора Лазаревского, Н.Н. Щепкина, братьев Астровых, К.К. Черновистова, Н.А. Огородникова и многих других. Профессора В.Н. Таганцева, не желавшего давать показания, он пытал, заключив его в пробковую камеру, и держал его там 45 дней, пока путём пытки и провокации не добился нужных показаний. Агранов уничтожал цвет русской науки и общественности <...>. Это же кровавое ничтожество является фактическим убийцей замечательного русского поэта Н.С. Гумилёва».

⁴² Возможно, Агранов в ответ посоветовал Белому официально оформить брак, поскольку уже 18 июля (через две недели после освобождения) все трое — Васильев, Васильева и Бугаев (Белый) — отправились в ЗАГС, где «Васильевы», состоявшие в браке с 1910 г., развелись, а «Бугаевы» поженились. Ср. запись, которую Белый оставил в дневнике 13.09.1933: «Арест Клоди в 31 году и моя вынужденность говорить с Аграновым начистоту, — шаги, определившие развод для К.Н. и “Закс” со мною; собственно, — нас навсегда соединило с Клодей ГПУ» (Белый [2016], с. 999). В письме к В.Э. Мейерхольду от 4.09.1931 Белый писал: «...самая

прочего, он наверняка сообщил Агранову (как сделал это в письме к Горькому⁴³), что покойная сестра П.Н. Васильева, М.Н. Менжинская, приходилась женой его непосредственному начальнику — тогдашнему председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому⁴⁴.

Встреча с Аграновым, произведшая на Белого большое впечатление⁴⁵, решительно переломила ход набиравшего обороты дела. Уже 3 июля К.Н. Васильева и П.Н. Васильев были освобождены под подписку о невыезде.

Следственный маховик, между тем, еще какое-то время крутился. В ОГПУ шли допросы, изучались рукописи из сундука Андрея Белого. Имена Белого, Васильевой, Петровского и Григорова фигурировали почти во всех показаниях арестованных. К следственному делу были приобщена машинописная копия (от 21.05.1931) выдержек из изъятого дневника Белого, которые следователи ОГПУ сочли инкриминирующими. Прочитируем лишь одну скопированную из дневника запись от 15 сентября 1930 г.:

«Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением — щелкая нашими жизнями, — с тем различием, что мы не

незадача, случившаяся с К.Н., обернулась неожиданно в большую радость для меня, ибо мы стали мужем и женой (были в “Загсе”); см. БЕЛЫЙ (1998), с. 684.

⁴³ Письмо Андрея Белого А.М. Горькому (17.05.1931), МАЛЬМСТАД (1993а), с. 350-352: «Сижу в Детском <...> и не пускаю Кл<авдию> Н икол<аевну> в Москву, где вместо нее увезен в ГПУ ее муж доктор Петр Николаевич Васильев (брат покойной жены Менжинского)».

⁴⁴ Мария Николаевна Менжинская (ум. 1925), вторая жена В.Р. Менжинского — с 1921 г. руководителя Секретно-оперативного управления ВЧК, в 1923–1926 гг. первого заместителя председателя ОГПУ Ф.Э. Держинского, с 1926 г. и до своей смерти в 1934 г. — председателя ОГПУ, см. СПИВАК 2006, с. 370 и 521, примеч. 9.

⁴⁵ Сразу после встречи с Аграновым Белый пишет Иванову-Разумнику: «Сегодняшний вечер переживаю почти как радость. И она — в том, что сегодня я был в том месте, куда рвался давно, и где имел разговор с одним ответственным лицом, могущим иметь касание к *участи моих бумаг*, и друзей (Кл<авдии> Николаевны, Петра Ник<олаевича> и т.д.). Наконец-то! И — глубокое удовлетворение, что меня выслушали и что я мог не только сказать все, что думаю о деле, повлекшем недоразумение с бумагами, но даже мог излить душу <...> Буду еще туда телефонить и иметь второй разговор; я подал объяснительную бумагу; рукописи — вернут. <...> Впечатление мое <...>, что *очень хорошо, что я все сказал, что хотел* <...> Меня выслушали вплоть до деталей, до вопроса о трудностях с жилищным вопросом <...> Впечатление от разговора — самое приятное; отнеслись *в-н-и-м-а-т-е-л-ь-н-о* к моим словам и к моей бумаге; что из этого последует, не знаю; но я — доволен» (БЕЛЫЙ [1998], с. 679). Ср. письмо Белого П.Н. Зайцеву (23.07.1931), БЕЛЫЙ [1998], с. 680: «...трехнедельное сидение в Детском после ареста Клавдии Николаевны, а потом месячное метание по Москве — достаточная мука, несколько компенсирующая тот факт, что я, из всех “без вины виноватых” наиболее “виноватый”, сижу на свободе; о чем я и говорил члену коллегии ОГПУ, т<оварищу> Агранову, в беседе с ним, стараясь в меру сил и разумения дать объяснение инциденту с арестами». Ср. письмо Белого к В.Э. Мейерхольду (4.09.1931): «Без Агранова я не мог бы, вероятно, надеяться на скорое освобождение К.Н., а путь к Агранову я нашел через Тебя: 27-го июня Агранов принял меня, позволил горячо, до конца высказаться, очень внимательно отнесся к моим словам, так что я вынес самое приятное впечатление от него» (БЕЛЫЙ [1998], с. 680).

клопы, мы — действительная соль земли, без которой народ — не народ. Нами гордились во всех веках, у всех народов, и нами будут гордиться в социалистическом будущем. Только в подлом, тупом бессмыслии теперешних дней кто-то превратил соль земли в клопов, защелкал нами: шелк, шелк — Гумилев, Блок, Андрей Соболев, Сергей Есенин, Маяковский. Щелкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков. И мое сердце, мужественно колотившееся, ослабеваает. Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия, раздавливающего лучших вокруг меня. Это не отчаяние, — это смертельное изнеможение от усилий бодрить себя и других. Дышат на ладан Соловьев, Иванов-Разумник, Волошин, Орешин, Пастернак — сколько, шелк, шелк — “клоп за клопом”! Скоро мы, аллегорические “клопы”, будем все передавлены»⁴⁶.

Приговор был вынесен 8 сентября 1931 г. В преамбуле обвинительно-го заключения сказано без обиняков: «Руководителями организации являются лица, стоявшие во главе бывшего антропософского общества в России, закрытого органами Сов. власти в 1923 году, идеологом же их является писатель АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (Бугаев Борис Николаевич)». Более того, выдержки из дневника Белого были включены в доклад Секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год». Доклад был опечатан в количестве 60 экземпляров и разослан по разным инстанциям внутри ОГПУ <...> В ЦК ВКП(б) были отправлены четыре экземпляра: “т. Поскребышеву для т. Сталина, т. Кагановичу, т. Постышеву, т. Молотову”⁴⁷. Тем не менее, ни Белый, ни чета Васильевых арестованы не были. Дело Андрея Белого выделили из общего судопроизводства и постановили передать в СПО ОГПУ, где его, видимо, положили под сукно.

Те участники антропософского движения, которых осудили, получили по три года наказаний различной степени тяжести: А.С. Петровский⁴⁸ и Б.П. Григоров были приговорены к заключению «в концлагерь сроком на три года»; П.Н. Зайцева и еще семерых антропософов выслали на 3 года в Казахстан (еще троих — на Урал и в Иркутск); Е.Н. Кезельман (и еще пятерых) на три года лишили права жить «в 12 пунктах».

Андрей Белый избежал ареста. Более того, осенью 1931 г. ему вернули часть конфискованных рукописей (среди исчезнувших материалов — машинописный экземпляр «Самосознающей души», «Дневник 1925–1931 гг.» (150 а.л.), литературный портрет «Рудольф Штейнер» (25 а.л.)⁴⁹). 23 ноября того же года Совнарком РСФСР назначил Белому персональную пенсию⁵⁰, а

⁴⁶ Белый (2016), 854.

⁴⁷ Артизов, Наумов (1999), с. 162-163 и 752, примеч. 78.

⁴⁸ А.С. Петровский, приговоренный «к заключению в концлагерь сроком на три года, отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Освобожден 21 июля 1933 г. (срок был сокращен на 6 месяцев за ударную работу).

⁴⁹ Воронин (1984), с. 275.

⁵⁰ Белый (2007), с. 277, примеч. 8.

в 1933 г. по инициативе В.Д. Бонч-Бруевича большая часть архива Андрея Белого была приобретена для Центрального литературного музея (Воронин 1984). Однако пережитые в 1931 г. шок и стресс не прошли бесследно. Уже через два года, летом 1933 г. здоровье Белого резко ухудшается. Андрей Белый скончался на 54-м году жизни — 8 января 1934 г.⁵¹

Сразу же после его смерти К.Н. Бугаева, П.Н. Зайцев и А.С. Петровский подготовили для издательства “Academia” «Собрание стихотворений» поэта: в январе 1935 г. была готова верстка (784 с.), но набор был рассыпан.

Личные отношения Белого с Асмусом и Вишневским. Скорее всего, пути Белого и Асмуса пересеклись лишь однажды. Когда в февралемарте 1924 г. Белый выступал с лекциями в Киеве, молодой профессор В.Ф. Асмус, познакомился со знаменитым поэтом и пригласил к себе домой, где познакомил с женой Ириной. Больше они, скорее всего, не встречались. Белый упоминает об Асмусе лишь однажды, да и то мимоходом. В дневниковой записи от 20.10.1933 г. говорится: «Вечером были Паоло Яшвили и Пастернак; <...> с поэтами была жена профессора Асмуса, у которого я был в Киеве». Стало быть, в 1933 г., через 9 лет после первой встречи, Асмус (с 1928 г. живший в Москве) по-прежнему оставался для Белого «профессором», в доме которого он в 1924 г. бывал в Киеве. Скорее всего, об этом ему в тот же вечер, представляясь, напомнила сама Ирина Сергеевна. О том, что она профессору Асмусу более не жена пришедшие, ввиду двусмысленности ситуации, поэту сообщать не стали.

Не был Андрей Белый лично знаком и с В.В. Вишневским. Сохранилась записка от Белого к Вишневскому от 18 января 1933 г. Поэт, которому полагалось присутствовать на чтении «Оптимистической трагедии» В.В. Вишневского, сообщает:

«Глубокоуважаемый тов. Вишневский*,

Я просто в отчаянии, что проклятый грипп <...> приковал меня к дому, — да так, что не уверен, смогу ли его ликвидировать к 22-ому. А я так мечтал послушать Вашу пьесу. Но — не моя вина. Заключен дома; сижу с температурой; и, конечно, завтра было бы большим риском быть на Вашем чтении. Верьте, до чего это мне грустно. Остаюсь искренне опечаленный, с глубоким уважением.

Борис Бугаев (А. Белый).

Москва. 18-го янв[аря] 33 г.

*Простите, отчества Вашего не знаю»⁵².

Таким образом, можно сказать, что при жизни Андрей Белый лично не пересекался ни с Асмусом, ни с Вишневским.

Контекст выступления Асмуса. Итак, В.Ф. Асмус выступает на собрании, посвященном разоблачению «врагов народа», и зачитывает тезисы

⁵¹ Официальным диагнозом был артериосклероз и кровоизлияние в мозг, спровоцированные тепловым ударом, см. СПИВАК, НАСЕДИНА (2013), с. 5-84.

⁵² См. МАЛЬМСТАД (1993б), с. 360.

из своей статьи, которую он готовит для тома «Литературного наследства», посвященного Блоку, Брюсову и Белому. Статью докладчик подает как политический донос на Андрея Белого. Случай беспрецедентный не только потому, что это, пожалуй, единственный пример превращения академического по замыслу эссе в обвинительный документ. Возникают недоумения морального порядка. 1) Если гуманитария назначают работать над мемориальным томом, посвященным классикам символизма, и он принимается за дело, начав изучать сочинения определенных авторов, то после этого не принято выходить на трибуну, чтобы изобличить одного из этих классиков. 2) Включившись в работу, исследователь начинает получать за это деньги: по сути, изучаемый им автор теперь его «кормит». Неловко кусать руку, из которой ты берешь деньги. 3) Не следует выставлять себя невеждой, оповещая окружающих, что раньше ты не знал, под какими псевдонимами печатались классики символизма. 4) Ежели неразбериха с псевдонимом «Аврелий» всего лишь путаница, а не умысел, можно лишь заметить, что, когда исследователь спешит, не перепроверив, во всеуслышание объявить о том, что он только что вычитал, он выглядит несолидно. Когда-то Асмусу указывал на это в своей рецензии Н. Карев.

Впрочем, эти аргументы работают, если речь действительно идет о подготовке издания уважаемых классиков. Ситуация могла быть иной. Некое руководящее лицо (например, тогдашний директор Института красной профессуры П.Ф. Юдин, готовящийся стать директором ОГИЗа) вызвал одного из своих порученцев (Асмуса) и поставил задачу: написать вводную статью к изданию, посвященному деятелям реакционного течения в буржуазной культуре, потребовал с классовых позиций разоблачить их контрреволюционную сущность. Это объясняет, почему вместо анализа символизма как литературно-художественного течения Асмус клеймит вредительскую сущность Андрея Белого и его прегрешения перед революцией в таком тоне, будто Андрей Белый был не писателем и поэтом, а членом одной из политических партий, вроде кадетов или эсеров.

Чтение статьи Асмуса «Философия и эстетика русского символизма» показывает, что «профессор» не просто не разбирается в проблематике, но еще и халтурит: ему некогда изучать предмет — ведь он очень загружен, преподавая в трех местах. Впрочем, от жалованья, положенного члену Союза писателей он отказываться не собирается, о чем свидетельствует его ответ Ставскому на опросник о гонорарах («да, пишу мало, но это потому, что преподавательская нагрузка непомерная»)⁵³. Поспешность в выводах и

⁵³ О скупости Асмуса свидетельствует В.Т. Шаламов, который вместе со своей второй женой Ольгой Сергеевной Неклюдовой (1909–1989) въехали в освобожденные В.Ф. Асмусом комнаты (по адресу: Хорошевское шоссе, д. 10, кв. 2). В 1963 г. Шаламов записывает: «На вечные времена. Профессор Асмус, автор работ об интуиции в философии и т.д., выдирает старый линолеум, переезжая на новую квартиру в 1957 году, пока не содрал линолеум, не переехал. В стол на кухне асмусовой тещи забит гвоздь — чтоб не облакачивались соседи. Перед отъездом на юг, на дачу, дверь в сад была забита гвоздями, и соседям был оставлен “любезно” ключ от заржавленного замка с приглашением пользоваться садом. При ремонте хозяйка, теща Асмуса, специально просит дворника Николая набить колючую проволоку по

внимание к денежным знакам, характерные уже для первой, антибольшевистской статьи Асмуса, наличествуют и в статье 1937 г., когда он уже трансформировался в яркого апологета марксизма-ленинизма. Упомянутая статья сработана на скорую руку и не вычитана. Например, на страницах 22 и 25 повторяется одна и та же пространная (в девять строк) цитата из «Смысла искусства» Белого. Хуже того: на беду Асмуса и его издателей в этом отрывке Белый использует греческое слово τέχνη («искусство»), а поэтому в этом, дважды повторенном Асмусом пятибуквенном слове оказывается сначала 3, а затем 2 ошибки (у Белого слово напечатано корректно). Многовато для «философа-античника». Но дело, разумеется, просто в том, что текст, отданный в печать, Асмус не удосужился вычитать.

Как и в устном выступлении, большая часть рассуждений о символизме в статье основана на разборе работ Андрея Белого. В финале публикации заходит речь о Блоке, во второй части имеются секции, посвященные Вяч. Иванову. О Брюсове говорится мало. Все это свидетельствует только об одном — автору банально не хватило ни времени, ни желания копаться в символистском материале.

Когда Асмус обвинял Андрея Белого в контрреволюции и нападках на Ленина, его слова могли отразиться близких к Белому людям, которые в

столбикам, где пробегает домой кошка Муха <...> 28 октября в “Правде” напечатан фельетон об “Асмусе” — о людях, которые, уезжая из квартир, выдирают линолеум, сдирают задвижки, дверные ручки, замки. Недаром Пастернак так не любил Асмуса, отзывался о нем презрительно, небрежно» (ШАЛАМОВ [2004], с. 293). Относительно фельетона см. КАПРАЛОВ (1963): «Разоблачая и осмеивая, “Фитиль” стремится взять на вооружение разнообразные жанры, все богатство приемов документального и художественного кино. Вот, используя силу образного обобщения, он клеймит мешанина-скопидома, разбойничающего в квартире, которую тот оставляет, получив ордер на новую. Сопя от натуги, хищными пальцами “хозяин” отдирает от пола линолеум, с остервенением вывертывает дверные ручки, выламывает штепсельные розетки и оконные шпингалеты. Зачем они ему? Ведь новый дом оборудован всем необходимым! Но мешанин, истратив копейку, не может, даже получая от государства тысячи, оставить ее кому-то другому. Мое! — и вылезают от жадности глаза из орбит. Мое! — и ради куска провода разрушается целая стена. Эта сатира (или, как правильно было бы ее назвать киноэпиграмма) “Мое” превосходно разыграна артистом Сухановым». Ср. письмо В.Т. Шаламова к Я.Д. Гродзенскому от 14.04.1968), ШАЛАМОВ (2005): «Я получил комнату, уже переехал и живу впервые за шестьдесят лет моей жизни — в самостоятельной, отдельной комнате <...> Вся эта история обрамлена многими пикантными подробностями бытового плана. На освободившуюся комнату (19 метров) претендовала теща Асмуса и жена Асмуса — Ариадна Борисовна, чемпион квартирных драк — в том же стиле, как и десять лет назад, когда мы переезжали с Гоголевского бульвара в их квартиру при помощи милиции и депутата Киевского горсовета генерала Чернышева, а профессор интуитивной философии собственноручно отдирали линолеум с пола квартиры, куда мы в 1957 году переезжали. Вывертывал все задвижки из дверей, все вешалки. Никогда этого не забуду. На этот раз было заготовлено от этого же семейства мерзостей не меньше, но быстро удалось ввести все разговоры в рамки официальных отношений. Но это все пустяки. Главное — я живу и дышу в новой комнате». «Профессором интуитивной философии» Шаламов именует Асмуса, т.к. чуть ранее у последнего вышла одноименная книга, см. АСМУС (1965).

это время работали над подготовкой соответствующего раздела для «Литературного наследства». Эгих людей было трое: вдова поэта — К.Н. Бугаева (1886–1970)⁵⁴, его старинный друг А.С. Петровский (1881–1958), а также хороший знакомый и помощник Д.М. Пинес (1891–1937)⁵⁵. Все они, в отличие от благополучного Асмуса, прошли через ОГПУ. Бугаеву в 1931 г. арестовали и отпустили. Петровский отбыл 2,5 года в концлагере на строительстве Беломор-Балтийского канала, откуда он освобожден в июле 1933 г. Пинес, сосланный в 1932 г. на 5 лет в Ярославль, оттуда был переведен в Архангельск, где написал обзор «Литературное наследие Андрея Белого» (опубликован в соавторстве с К.Н. Бугаевой и А.С. Петровским). В день завершения назначенного ему срока ссылки (январь 1937) Дмитрий Пинес был снова арестован Архангельским НКВД и по приговору «тройки» расстрелян 27 октября 1937 г. — через три месяца после сдачи «Литературного наследства» в набор. В вышедшем томе имя его отсутствует.

Об архангельских встречах с Д.М. Пинесом и работе последнего над посвященными Андрею Белому материалами для «Литературного наследства» сохранились записанные в 1969 г. воспоминания переводчика Н.М. Любимова (1912–1992). Из уважения к памяти Д.М. Пинеса приведем из них некоторые выдержки:

«Пинес принял участие как текстолог в редактировании первых томов собрания сочинений Блока, выпускавшегося Издательством писателей в Ленинграде. Уже в тюрьме держал корректуру. После ареста Иванова-Разумника и Пинеса редакция этого издания перешла к В.Н. Орлову, и Д.М. посылал ему из Архангельска свои текстологические предложения. В Архангельске он написал статью “Литературное наследство Андрея Белого”; она появилась в 27-28 томе “Литературного наследства” (1937) за подписью вдовы писателя К.Н. Бугаевой и его друга — А.С. Петровского. Жена Пинеса, Роза Яковлевна, посылала ему из Ленинграда в Архангельск нужные для работы книги, и он давал мне то “Луг зеленый” Белого, то его прозу, то “Вершины” Иванова-Разумника, то третью книгу воспоминаний Белого, почти весь тираж которой был задержан цензурой из-за предисловия Вольпе (она поступила в продажу только в 39 году), то

⁵⁴ Уже в феврале 1936 г. К.Н. Бугаева работала над главным, посвященным А. Белому текстом — обзором «Литературное наследство Андрея Белого» (Литературное наследство [1937], с. 575–638). См. ЛАВРОВ (2009), р. 179-204, перепечатано: ЛАВРОВ (2015), с. 609-631 (цит. по переизданию).

⁵⁵ Дмитрий Михайлович (Мейер Мейлахович) Пинес (1891–1937), историк литературы, библиограф. Учился в Психоневрологическом институте в Петербурге на юридическом факультете. Был левым эсером, а потому был знаком с Ивановым-Разумником. Первый арест в 1920 г. Еще до ареста начал работать в Вольфиле, с мая 1922 года — секретарь Вольфилы. Главным делом в 1920-е годы становится для него работа над библиографией Андрея Белого. В 1927 г., после смерти Ф. Сологуба, разбирает вместе с Ивановым-Разумником архив Сологуба, составляет предварительную опись. Второй арест в 1928 г. В 1932 г. арестован по одному делу с Ивановым-Разумником. Он и его жена расстреляны в 1937 г.

книгу о Блоке, состоящую из выступлений на вечере памяти поэта в “Вольфиле”. <...>

Для него строфа [“Господи благослови!”] была связана с духовным максимализмом Блока <...> Только ради “революции духа” и стоит совершать революцию социальную <...>

Д.М. выписал поэму [Белого “Первое свидания”] из Ленинграда. <...> Он прочитал поэму вслух и всю ее прокомментировал, строчка за строчкой <...>

Я заговорил о том, что Белый незадолго до смерти стал зачем-то “перестраиваться”. — Да, но вы знаете, — возразил Д.М., — когда Белый пытается “перестроиться”, подладиться, у него это получается до смешного наивно. Вот он разглагольствует о диалектике. И на кого же он опирается как на алмаз марксизма? На Федора Гладкова! <...>

Д.М. вспоминал, что однажды Белый <...> забрел в такие неокантианско-антропософские дебри, что собеседник не выдержал и спросил: — Во что же вы в конце концов веруете? Белый неожиданно встал и, опустив голову, тихо и проникновенно ответил: — В Господа нашего Иисуса Христа...

В феврале 37-го года <...> почтальон принес мне открытку из Архангельска от Борната. Несколько строк он приписал так, что для того, чтобы их прочесть, надо было перевернуть открытку. Внезапно буквы запрыгали у меня перед глазами. В приписке Борнат “конспиративно” сообщал: “Давид Моисеевич болен. Не пишите ему”. <...> По предвесеннему молодой, яркий солнечный свет померк для меня. <...> Когтистой тяжестью навалилась на сердце тоска»⁵⁶.

И вот, материалы, подготовленные группой людей, которые буквально жизни свои положили на изучение наследия Андрея Белого, десятилетиями дружили и общались с поэтом, партийное начальство решает предварить измышлениями «красного профессора» Асмуса, который ничего не понимал в философии и истории символизма, не знал источников, не читал литературу, путался в его представителях. Издание открывается введением, составленным провинциалом и советским выскочкой, верхом взглядом, пишущим на заданные темы. Очевидно, что задача автора, поставленного «смотрящим за томом», состоит не в том, чтобы изучить и проанализировать основания символизма, но чтобы с классовых и марксистских позиций в полемическом ключе продемонстрировать гнилую сущность этого буржуазного направления в дореволюционной культуре, его реакционность, антиреволюционную, антиленинскую направленность и пр. Потому и статья «Философия и эстетика русского символизма» является не исследованием философских и эстетических принципов символистского мирозерцания, но заурядным упражнением в партийной пропаганде и полемике. То, что заявленная в титуле «философия» в работе отсутствует, впоследст-

⁵⁶ Любимов (2004), с. 180-197.

вии признал сам Асмус, когда убрал это слово из заглавия при перепечатке (в 1968 г. он не постеснялся без каких-либо изменений воспроизвести сей опус в составе томика своих избранных работ).

Выступление В.Ф. Асмуса 31 августа 1936 г. Свою речь В.Ф. Асмус начал с того, что процесс об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» призывает каждого повысить преданность народу и партии и делает очевидным, что «враг направляется на такие участки идеологической работы, как философия, история, литература, критика». В подтверждение Асмус указывает, что часть «осужденных по процессу и разоблаченных» (на самом деле — «расстрелянных», как было известно присутствующим) были философами (видимо, подразумеваются Пикель, Тер-Ваганян, Эмель). А такие люди, как Фридлянд, добавляет Асмус, «до последнего времени орудовали в рядах историков» (находившийся в заключении Фридлянд, в августе уже был сломлен и признался в террористической деятельности; его расстреляют весной следующего года)⁵⁷. Много скрытых врагов и среди литераторов, продолжает Асмус, и тут же делает лирическое отступление, напоминая о том, как генеральный секретарь Союза писателей «тов. Ставский»⁵⁸ в своем докладе говорил о положении писателя в нашей стране и необычных заботах, которыми он окружен, о материальных возможностях». С учетом того, что это сам Асмус осенью 1936 г. отвечал на опросник относительно их гонимых, направленный членам Союза писателей из аппарата Ставского, можно понять, что, говоря о «материальных возможностях», он имеет в виду и те, на которые рассчитывал сам.

Далее Асмус замечает, что «тонкость и сложность теоретических вопросов истории, философии, искусства, литературы создают возможность с большей безнаказанностью использовать целый ряд моментов для подрывной контрреволюционной работы». В этом месте Асмус делает реверанс в сторону еще одного начальственного лица — главного редактора «Знамени»: «как прекрасно говорил сегодня т. Вишневецкий», указывает Асмус, именно в этой области была понижена бдительность, и именно здесь «мы можем найти ряд людей, которые вошли в нашу советскую жизнь из буржуазного мира, мира дореволюционного» (Стенограмма, с. 46). Это старая интеллигенция, поясняет Асмус, — люди, с которыми партия возилась «чрезвычайно много», и которым была предоставлена возможность «рабо-

⁵⁷ Цви (Григорий Самойлович) Фридлянд (1897–1937) — советский историк, первый декан (1934–1936) исторического факультета МГУ. Занимался историей Великой французской революции. Печатался в журнале «Под знаменем марксизма». В 1917–1919 гг. был членом ЦК еврейской социал-демократической партии Поалей Цион, был членом ЦИК Литовско-Белорусской республики. С 1921 года член ВКП(б). С 1922 года преподавал в I МГУ, Институте красной профессуры, Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. Арестован 31.05.1936. К августу 1936 г. Фридлянд был сломлен, признался в подготовке терактов и в ночь с 7 на 8 марта 1937 г. расстрелян.

⁵⁸ Владимир Петрович Ставский (1900–1943) — советский писатель, литературный функционер. Генеральный секретарь СП СССР в 1936–1941. По поручению ЦК участвовал в организации Союза писателей СССР, с 1936 г. генеральный секретарь СП СССР.

тать с нами». В этом месте вводная часть выступления завершается и Асмус переходит к сути дела. «В этом году летом, — заявляет он, — работая над теоретическими источниками русского символизма, философского и эстетического, я перечитал огромное количество работ и все литературные журналы за 900-ые годы <...> И Я ОТКРЫЛ УДИВИТЕЛЬНУЮ ВЕЩЬ». Далее скороговоркой перечисляются пункты обвинения (для удобства мы их нумеруем), направленного против Андрея Белого.

- 1) «Я раскрыл псевдоним, под которым Андрей Белый в журнале “Весты” выступал с острополитическими статьями, направленными против революции» (Стенограмма, л. 46).
- 2) «Я открыл антисемитскую статью Андрея Белого, навеянную книгой Вольфа — “Модернизм и музыка”» (Там же).
- 3) «Я открыл статью, в которой Андрей Белый с большой резкостью и остротой выступает в защиту “Вех”» (Там же).
- 4) «Передо мной открылась картина систематической травли Горького, которая велась на страницах этого журнала, заявившего еще в начале 900 годов, что Горький уже исписался, что это уже бывший писатель» (Там же, л. 47).
- 5) «В этом журнале вели систематическую, из номера в номер, борьбу, имевшую своей целью опорочить, дискредитировать великого русского демократа, — критика 60-х годов — Чернышевского» (Там же).
- 6) «На страницах этого же журнала под псевдонимом Аврели⁵⁹ была помещена статья против Ленина по вопросу о свободе печати. По стиливым признакам и по точному совпадению формулировок, имеющихся в других статьях, подписанных Бугаевым или Андреем Белым, можно судить о том, что за этим псевдонимом скрывался Андрей Белый» (Там же).
- 7) «Любопытно, что в своих мемуарах Андрей Белый даже и не закинул об ЭТИХ СВОИХ произведениях. В других случаях он пытался переложить ответственность на других, — например, в вопросе о мистицизме он пытался переложить часть ответственности на Александра Блока. Но по поводу ЭТИХ статей он хранил молчание, очевидно, не считая возможным оправдать ЭТИ СВОИ позиции» (Там же).

Вывод Асмуса: «И вот, товарищи, разве мало среди нас людей, которые уходят в ячейку своего индивидуального “я”, которые хранят и копят в себе бережно груз своих воззрений, может быть совершенно нетронутых или только частично разрушенных тем давлением, которое на них производит наша советская действительность и социалистическое строительство, которое у нас ведется. И разве не может рассчитывать враг на то, что частично, посредством этих людей, он будет расширять круг единиц, посредством которых он думает проводить свою подлую работу» (Там же, л. 48).

⁵⁹ Опечатки машинистки — «Вольф» вместо «Вольфинг», «Аврели» вместо «Аврелий» — при цитировании стенограммы нами не исправляются.

За невозможностью обстоятельно разбирать аргументацию Асмуса в его речи, и тем более, в напечатанной позднее статье, я укажу только на несколько важных подмен и подлогов, которые он *сознательно* совершает в *устном* выступлении. Как уже говорилось, общей методологической подменой явилось то, что академическое эссе, призванное проанализировать философию и эстетику символизма, Асмус превратил в газетный памфлет, в классовую и партийную критику антиреволюционной и буржуазной природы символизма (с помощью какого нехитрого приема он это проделал, мы поясним применительно к пункту 3 его обвинений.)

Смехотворность и абсурд ситуации состоит в том, что Асмус, который формально откликается на призыв Вишневецкого искать врагов народа среди литераторов, поскольку «троцкистско-зиновьевское отребье» готовит теракты против руководителей СССР, на деле направляет свои разоблачительские усилия на уже покойного классика литературы, а вещественными доказательствами становятся публикации тридцатилетней давности, напечатанные в аполитичном литературно-эстетском журнале. Кроме того, у профессора, преподающего логику, с логикой явно не все в порядке. Из того, что 30 лет назад, до революции символист Андрей Белый писал нечто крамольное, никак не следует, что спустя десятилетия он не «перековался». Драматургический эффект выступления смазан также тем, что разыгранная спонтанность «отклика на злобу дня» дезавуируется самим Асмусом, признающим, что он готовился все лето — перечитывал старые *литературные* журналы.

Рассмотрим обвинения Асмуса по пунктам и через восемь десятилетий ответим на них за Андрея Белого, поскольку тот по понятным причинам в 1936 г. этого сделать уже не мог.

1) В «Весах» у Андрей Белый не печатал «остро политических статей, направленных против революции». Высказывания, направленные против большевиков, Маркса и марксизма, можно встретить в его публикациях периода 1917–1919 гг. (см. Петров 2018), но в силу некомпетентности Асмус о них не имел понятия.

1) и б) пункты. Как уже говорилось, под псевдонимом «Аврелий» писал не Белый, а Брюсов⁶⁰. Асмус либо ошибается, либо совершает сознательный подлог.

2) «Об антисемитской статье... навеянной книгой Вольф[инга]»⁶¹. Здесь с Асмусом не поспоришь, он имеет в виду статью Андрея Белого «Штемпелеванная культура» (Белый [1909b]). По свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый впоследствии сожалел об этой статье и никогда ее не перепечатывал⁶².

3) Асмус прав. Статья, а точнее, рецензия в защиту «Вех» действительно принадлежит Белому (Белый [1909a]). Она начинается так: «Вышла заме-

⁶⁰ БРЮСОВ (1905). В этой статье критикуются положения статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (Ленин [1905]). Годом позже, во вводной статье к тому «Литературного Наследства», Асмус назовет автором статьи уже на Белого, а Брюсова.

⁶¹ См. МЕТНЕР (1912). Ср. БЕЛЫЙ (2017), с. 79: «Когда искал себе он [Э.К. Метнер] псевдоним, я сказал: — “Искать нечего: ‘Вольфинг’”. ‘Вольфингом’ стал».

⁶² ЛАВРОВ (2009); ОН ЖЕ (2015), с. 614 [609-631].

чательная книга «Вехи». Несколько русских интеллигентов сказали горькие слова о себе, о нас; слова их проникнуты живым огнем и любовью к истине...». Это очень любопытный момент. Журнал «Весь» практически не касался политики. Среди десятков опубликованных Андреем Белым статей есть одна, в которой он приветствовал сборник «Вехи». За нее и зацепился Асмус. И это очень характерный пример его метода. К литературному журналу «Весь» сложно предъявлять политические претензии — не за что зацепиться; сложно инкриминировать политику за отсутствием таковой у эстетского журнала. А упоминание политического сборника «Вехи» немедленно дало Асмусу возможность переключиться на политику и продемонстрировать классовую непримиримость, тем более что 13 декабря 1909 в газете «Новый день» сам Ленин раскритиковал сборник «Вехи» (ЛЕНИН [1909]). Именно этим и объясняется странное обстоятельство: в статье «Философия и эстетика русского символизма» Асмус уделяет непомерно большое место критике «Вех», которые не имеют к символизму никакого отношения. Причина одна — упоминание «Вех» позволяет Асмусу развернуть марксистско-ленинский дискурс там, куда его было бы очень сложно пристроить.

4) «Систематическая травля Горького на страницах “Весов”». Здесь Асмус намеренно берedit кровоточащую рану: Горький только что умер — 18 июня 1936 г. Этот пункт — на злобу дня. Сверка с аннотированным указателем журнала «Весь» показывает, что у Белого нет статей, в которых критиковался бы Горький. Скорее всего, Асмус имеет в виду статью Эллиса «Еще о соколах и ужах» (ЭЛЛИС [1908]), в которой Эллис разбирает творчество «нашего “маститого” и уже не один раз пережившего себя самого писателя» (с. 53), замечая, что «будучи вырван из “босячества” с его стихийным мятежом и вечным приливом новых впечатлений, Горький увял и должен был увянуть» (с. 54), что «Горький становится просто скучен!» В целом же, никакой «систематической» критики Горького в «Весках» не велось.

5) «Систематическая, из номера в номер, дискредитация Чернышевского». Во всей подшивке «Весов» Чернышевский упоминается лишь в двух рецензиях. Как становится понятно из статьи Асмуса «Философия и эстетика русского символизма», он имеет в виду рецензию Б. Садовского на полное собрание сочинений Чернышевского. Андрей Белый здесь опять не при чем.

7) О «перекладывании ответственности за мистицизм на Блока». Будучи убежденным и практикующим мистиком, Андрей Белый не мог «открещиваться от мистицизма» в «Весках». Напротив, в «Весках» Белый укорял Блока за то, что тот оказался мнимым мистиком⁶³. Свой мистицизм (внутренне оставаясь верным ему) Белый пытался отрицать в поздних воспоминаниях и газетных публикациях, адресованных советской общественности. В этом месте и Асмус молчаливо переключается с дореволюционных «Весов» на недавно опубликованные воспоминания Белого. Поэтому слова «в других случаях» относятся у Асмуса не к «Весам», но к «другим

⁶³ БЕЛЫЙ (1908), с. 66: «Блок, казавшийся действительным мистиком, звавший нас к себе поэзией, превратился в большого, прекрасного поэта гусениц; но зато мистик он оказался мнимый. Но самой ядовитой гусеницей оказалась Прекрасная Дама (впоследствии разложившаяся на проститутку и мнимую величину)».

случаям в воспоминаниях» Белого, к книге «На рубеже двух столетий» (1930). Переключившись «вины мистицизма» нужно искать именно там, где легко обнаруживается соответствующий, вполне невинный пассаж, в котором Белый отграничивает свои, «научно-исследовательские» зори, от «зорь» А. Блока с его культом Прекрасной Дамы — Л. Д. Менделеевой. При этом Белый насмешливо замечает, что розовое платье последней трансформировалось у Блока в мистическую «зарю»⁶⁴.

Обратим внимание на технику передержек и манипуляций, применяемых Асмусом. Он действует изощренно. В пункте о травле Горького имя Белого не упоминается, но слушатель, перед которым зачитывается перечень прегрешений Белого, на слух, «из логики контекста» воспринимает нападки на Горького как очередное злодеяние Белого. Аналогичным образом Белому «из контекста» переадресуется вина в дискредитации Чернышевского, хотя напрямую Асмус этого не утверждает. На этом этапе выступления Асмусу нельзя предъявить обвинение во лжи. Его адвокаты могут сказать, что он просто «недостаточно четко формулирует свою мысль». Но вот с приписыванием Белому брюсовской статьи против Ленина дело обстоит уже сложнее. Впрочем, и здесь можно спорить о том, было ли это сознательным подлогом или всего лишь ошибкой, обусловленной недостаточным вхождением в материал.

Однако «точки над *i*» составляет «пункт 7», который у Асмуса играет роль заключения. Здесь Асмус без обиняков утверждает, что Белый в своих мемуарах даже не заикнулся «об ЭТИХ СВОИХ произведениях», т.е. о статьях, перечисленных во всех предыдущих шести пунктах. «По поводу ЭТИХ своих статей и ЭТИХ СВОИХ позиций», повторяет Асмус, Белый хранил молчание. А вот здесь двух мнений уже быть не может: Асмус сознательно вменяет в вину Андрею Белому произведения, которые, как Асмусу прекрасно известно, написаны другими авторами.

Интересно, в каких терминах Фрейд описал бы момент, в который Асмус обвиняет Белого в том, что тот-де в мемуарах позабыл о своих крамольных дореволюционных статьях? Ведь это собственный случай Асмуса. Это он в занятом денкинцами Киеве напечатал статью «О великом пленении русской культуры», о которой почему-то не доложил ни т. Деборину, ни т. Юдину, ни т. Ставскому. То, что могли бы вменить сотрудники ОГПУ ему самому, он переадресует Белому. А в целом, нет сомнений, что он сознательно топит Белого, выдвигая заведомо ложные обвинения.

Свои разоблачения Асмус завершает заявлением, которое многое говорит о нем самом. Он замечает, что осталось еще много людей, которые «уходят внутрь своего “я”», которые «хранят и копят в себе бережно груз своих

⁶⁴ Ср. БЕЛЫЙ (1930), с. 401: «Не моя вина, если Александр Блок в 1901 году внес в слово “заря” излишнюю “мистику”, так что и наш разговор о том, как размежевать “Зарю” его и “Прекрасную Даму” его, длился два года, плодя рой бессмыслия от его нечеткости выражений. Критики, не опрокидывайте “Зари” с больной головы на здоровую; в 1901 году я был молод, здоров, работал в лаборатории и от избытка сил бежал глядеть на зарю и шутиливо описывал, какие оказии получаются, если спутать зарю с розовым капотом возлюбленной, вписанной в душу большущую буквою».

воззрений», «нетронутых или только частично разрушенных тем давлением, которое на них производит наша советская действительность». Через таких людей, сохранивших свои принципы, враг «думает проводить свою подлую работу». По Асмусу, верность принципам, наличие внутреннего стержня — всё, что в традиционной морали и обществе считалось доблестью — теперь является пережитком и приметой «врагов народа». Столь ясно формулируя свое отношение, Асмус, тем самым, заявляет о своих собственных убеждениях: у индивида не должно сохраняться внутреннее «я», следует отказаться от прежних воззрений в пользу норм классовой морали, общечеловеческая этика должна уступить «давлению нашей советской действительности».

Асмус неоднократно использует в своей речи такие слова, как «товарищи», «наше», «мы», желая выглядеть своим перед теми, к кому обращается. В заключительном слове, завершая собрание, В. Вишневский специально отметил его выступление, назвав Асмуса «нашим товарищем и соратником»:

«Тов. Асмус сделал интересное открытие о работе Андрея Белого. Вот вам конкретное предложение: дайте сейчас же, в течение 3-5 дней, большую статью в “Литературную газету”. Это ваш долг, долг писателя. Это прольет свет на целую область литературной жизни. И хотя раньше говорили, что о мертвецах нужно говорить либо хорошо, либо ничего, но у нас установка совершенно другая. Я убеждён, что наш товарищ и соратник т. Асмус об этом напишет и выступит перед всей советской общественностью»⁶⁵.

Статью для «Литературной газеты» Асмус, разумеется, писать не стал. Это было бы равносильно профессиональному самоубийству. Наверняка, присутствовавший на собрании Шкловский не преминул там же указать ему, что, к примеру, «Аврелием» именовал себя Брюсов. Возможно, готовя свою исполненную передержек и подлогов филиппику, Асмус рассчитывал на то, что его устное выступление не выйдет за пределы комнаты, в который собрался актив невежественных советских писателей. На его беду, Вишневский решил дать ход его выступлению. Не дождавшись материала от самого «профессора», он пересказал положения из выступления Асмуса на страницах «Литературной газеты» — в отчете о проведенном собрании. Как показывает текст Вишневского, он по пунктам воспроизводит положения из речи Асмуса. Сначала Вишневский повторил некоторые тезисы, не называя имени автора, в виде общих констатаций, но в результирующей части прямо пишет о том, что «литературовед» Асмус обнаружил давние контрреволюционные работы А. Белого, которые тот в 1900-х печатал под псевдонимом, а в советское время скрывал свое авторство:

«С первых дней революционного движения в России в литературе шла жестокая борьба. Буржуазный фланг травил и пытался уничтожить **Горького**. Ряд так называемых **прогрессивных** и либеральных писателей и **публицистов** систематически годами вел открытую борьбу против революции. Политика пропитыва-

⁶⁵ Стенограмма, л. 92.

ла всевозможнейшие литературные группы, течения, содружества. Литературовед т. Асмус на активе журнала “Знамя” сделал сообщение о том, что им открыт **ряд неизвестных работ Андрея Белого**, подписанных различными **псевдонимами**. Эти работы носят характер чистой **контрреволюционной** полемики. У Белого, оказывается, были даже **антисемитские статьи**⁶⁶. Было ли обо всем этом сказано самим Белым в его книгах, выходявших [в] последние годы — «На рубеже двух столетий» и др.? Нет. Знали ли некоторые писатели об этом? Нет. Эти и другие факты должны быть нами рассмотрены, изучены и определены с научно-аналитической точностью»⁶⁷.

Вот собственно и всё. Помимо стенограммы можно было бы еще проанализировать статью «Философия и эстетика русского символизма», напечатанную Асмусом в «Литературном наследстве», обсудить аргументацию В. Брюсова, легко продемонстрировавшего несостоятельность тезисов Ленина о возможности «партийной» свободы — тезисов, которые определяют советскую идеологию на долгие десятилетия. Но это выходит за рамки настоящей работы. Что до самого Асмуса, то много лет спустя К.Н. Бугаева рассказывала исследователю символизма Е.Д. Максимову (1904–1987):

«В моем сознании его [В.Н. Орлова] имя стоит для меня по отношению к Б.Н. [Борису Николаевичу] под знаком “минус” в ряду тех трех имен, которым не могу простить их литературных выпадов: Асмус, Корнелий Зелинский, Всеволод Вишневский»⁶⁸. Мне пришлось быть свидетелем “иных” их проявлений при жизни Б.Н. Этой вины за Орловым нет»⁶⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АНТИПИНА (2005) — Антипина В.А., *Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы* (М.: Молодая гвардия, 2005).
- АРГИЗОВ, НАУМОВ (1999) — Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953, под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. АРГИЗОВ, О. НАУМОВ (М.: МФД, 1999). (Россия. XX век. Документы).
- АСМУС (1919) — Асмус В.Ф., «О великом пленении русской культуры», *Жизнь* (Киев). № 2 (8-14.09.1919), с. 4-8.
- ИФЕ 2005 — Историко-философский ежегодник '2004 (М. Наука, 2005).
- АСМУС (1926а) — Асмус В., «Адвокат философской интуиции (Бергсон и его критика интеллектуализма)», *Под знаменем марксизма* (1926), № 3, с. 53-84.
- АСМУС (1926б) — Асмус В., «Спорные вопросы философии», *Под знаменем марксизма* (1926), № 7-8, с. 206-225.

⁶⁶ Выделено в газетной публикации.

⁶⁷ Вишневский (1936).

⁶⁸ Асмус (1937); Зелинский (1931); Зелинский (1935); Вишневский (1936).

⁶⁹ Лавров (2009), с. 188-189 (= Лавров [2015], с. 628). Я благодарю Е.В. Наседкину, указавшую мне на это свидетельство К.Н. Бугаевой.

- АСМУС (1933) — АСМУС В., *Маркс и буржуазный историзм* (М., 1933).
- АСМУС (1937) — АСМУС В.Ф., «Философия и эстетика русского символизма», Литературное наследство 1937, с. 1-53.
- АСМУС (1965) — АСМУС В.Ф., *Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII начало XX в.* (М.: Мысль, 1965).
- АСМУС (1968) — АСМУС В.Ф., «Эстетика русского символизма», АСМУС В.Ф. *Вопросы теории и истории эстетики. Сборник статей* (М.: Искусство, 1968), с. 531-609.
- АСМУС 2010 — АСМУС В.Ф., «Философия в Киевском университете в 1914 — 1920 годах (Из воспоминаний студента)», *Валентин Фердинандович Асмус*, под ред. В.А. ЖУЧКОВА, И.И. БЛАУБЕРГ (М.: РОССПЭН, 2010), с. 298-328.
- БЕЛЫЙ (1908) — БЕЛЫЙ А., «Обломки миров. "Александр Блок. Лирические драмы. Балаганчик. Король на площади. Незнакомка. Изд. Шиповник. Спб. 1908"», *Весы* (1908), № 5, с. 65-68.
- БЕЛЫЙ (1909а) — БЕЛЫЙ А., «Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника "Вехи"», *Весы* (1909), № 5, май, с. 65-68.
- БЕЛЫЙ (1909б) — БЕЛЫЙ А. <БУГАЕВ Б.>, «На перевале. XIV. Штемпелеванная культура», *Весы* (1909), № 9, С. 72-80.
- БЕЛЫЙ (1930) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, На рубеже двух столетий (М. — Л.: Земля и фабрика, 1930; 2-е изд., 1931).
- БЕЛЫЙ (1933) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, Начало века (М.: ГИХЛ, 1933).
- БЕЛЫЙ (1934) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, Между двух революций, вступ. ст. Ц. ВОЛЬПЕ (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934).
- БЕЛЫЙ (1993) — «Автобиография Андрея Белого», *Минувшее*. № 15 (М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1993), с. 365-367.
- БЕЛЫЙ (1994) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития», АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. *Символизм как миропонимание* (М.: Республика, 1994), с. 418-493.
- БЕЛЫЙ (1998) — *Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка*, публ., вступ. ст., коммент. А.В. ЛАВРОВА и Дж. МАЛМСТАДА; подгот. текста Т.В. ПАВЛОВОЙ, А.В. ЛАВРОВА, Дж. МАЛМСТАДА (СПб.: Atheneum-Феникс, 1998).
- БЕЛЫЙ (2007) — «Мой вечный спутник по жизни». *Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: Хроника дружбы*, вступ. ст., сост., комм. и под. текста Дж. МАЛМСТАДА (М.: Новое литературное обозрение, 2007).
- БЕЛЫЙ (2016) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов*, сост. А.В. ЛАВРОВ, Дж. МАЛМСТАД, науч. ред. М.Л. СПИВАК (М.: Наука, 2016) (Литературное наследство. Т. 105).
- БЕЛЫЙ (2017) — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Начало века. Воспоминания*, общ. ред., послесл. и комм. А.В. ЛАВРОВА (М.: Дмитрий Сечин, 2017).
- БРЮСОВ (1905) — АВРЕЛИЙ <БРЮСОВ В.Я.>, «Вехи. I. Свобода слова» (15 ноября 1905 г.), *Весы* (1905), № 11.
- БУЛГАКОВ (1907) — БУЛГАКОВ С.Н., *Карл Маркс как религиозный тип. Из этюдов человекоборства* (СПб., 1907).
- ВАРЬЯШ (1926) — ВАРЬЯШ А., *История новой философии*, т. 1. ч. 1: *Рационалистический идеализм и материализм* (М. — Л.: Государственное издательство, 1926).

- ВИШНЕВСКИЙ (1936) — ВИШНЕВСКИЙ В.В., «Наши дела», *Литературная газета* (1936), 5 сентября, с. 3.
- ВОЛЬПЕ (1934) — ВОЛЬПЕ Ц., «О мемуарах Андрея Белого», АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. *Между двух революций*, вступ. статья Ц. ВОЛЬПЕ (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934), с. V-XXV.
- ВОРОНИН (1984) — ВОРОНИН С.Д., «Статья В.Д. Бонч-Бруевича “Архив Андрея Белого”», *Археографический ежегодник за 1984 год* (М.: Наука, 1984), с. 273-276.
- ГОГОЛЬ (2009) — ГОГОЛЬ Н.В., *Мертвые души*, Полное собрание сочинений и писем в 17 томах, т. 5 (М. — Киев, 2009).
- ГУЛЬ (1992) — ГУЛЬ Р., *Дзержинский* (М.: Молодая гвардия, 1992).
- ДЕБОРИН (1923) — ДЕБОРИН Л., «Диалектика в системе Фихте», *Вестник Социалистической академии*, кн. 3. (М. – Петроград: Гос. изд-во, 1923), с. 28-57.
- ЗЕЛИНСКИЙ (1931) — ЗЕЛИНСКИЙ К.Л., «Профессорская Москва и ее критик», *Литературная газета* (1931), № 103, 19 января, с. 3.
- ЗЕЛИНСКИЙ (1935) — ЗЕЛИНСКИЙ К.Л., «Поэма страха», в кн.: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. *Петербург* (М., 1935), с. III-XXI.
- ИГОШЕВА, ПЕТРОВА (2001) — *Журнал «Весы» (1904-1909 гг.). Указатель содержания*, сост. Т.В. ИГОШЕВА, Г.В. ПЕТРОВА, науч. ред. Н.А. БОГОМОЛОВ (Великий Новгород, 2001).
- КАМЕНЕВ (1923) — КАМЕНЕВ Л.Б., *Между двумя революциями: сборник статей*. 2-е изд. (М.: Новая Москва, 1923).
- КАПРАЛОВ (1963) — КАПРАЛОВ Г., «... И нечего жаловаться! “Фитиль” ведет наступление», *Правда* (1963), № 301, 28 октября, с. 4.
- КАРЕВ (1925) — КАРЕВ Н., [Рецензия] «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. «Сорабкоп». Киев 1924 г.», *Под знаменем марксизма* (1925), № 3, с. 247-252.
- КОРСАКОВ (2017) — КОРСАКОВ С.Н., *В.Ф. Асмус: коррективы к образу* (СФК-офис, 2017).
- КРЖИЖАНОВСКИЙ (1919) — КРЖИЖАНОВСКИЙ С.Д., FRATER TERTIUS, «Сказки: Сказочка об истине; Монизм: сказка для философов; По обе стороны», *Жизнь* (Киев), 1919, № 2, 8-14 сентября, с. 5-6.
- ЛАВРОВ (2009) — ЛАВРОВ А.В., «Штрихи к биографии Андрея Белого и К.Н. Бугаевой (По материалам архива Д.Е. Максимова)», *Литература как миропонимание. Literature as a world view: Festschrift in honour of Magnus Ljunggren*, ed. by I. KARLSOHN, M. NILSSON, N. ZORIKHINA NILSSON (Göteborg: University of Gothenburg, 2009), с. 179-204.
- ЛАВРОВ (2015) — ЛАВРОВ А.В., *Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации* (М.: Новое литературное обозрение, 2015).
- ЛЕНИН (1905) — ЛЕНИН В.И., «Партийная организация и партийная литература», *Новая Жизнь* (1905), № 12, 13 ноября.
- ЛЕНИН (1909) — ЛЕНИН В.И., «О “Вехах”», В.И. ЛЕНИН. *Сочинения*. 4-е изд., т. 16 (ОГИЗ, 1948), с. 106-114.
- Литературное наследство (1937) — Литературное наследство, т. 27-28 (М.: Журнально-газетное объединение, 1937).
- ЛИФШИЦ (2013) — ЛИФШИЦ М., *Проблема Достоевского (Разговор с чертом)* (М.: Академический Проект, 2013).

- ЛЮБИМОВ (2004) — ЛЮБИМОВ Н.М., *Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний*, т. 2 (М.: Языки славянской культуры, 2004).
- МАЛЬМСТАД (1993а) — «Из “секретных” фондов в СССР», публ. Дж. МАЛЬМСТАДА, *Минувшее*. Вып. 12 (М. – СПб., 1993), с. 342-361.
- МАЛЬМСТАД (1993б) — А. БЕЛЫЙ и П.Н. ЗАЙЦЕВ, *Переписка* [окончание], публ. Дж. МАЛЬМСТАДА, *Минувшее*, вып. 15 (М. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1993), с. 283-368.
- МЕТНЕР (1912) — МЕТНЕР Э.К., <ВОЛЬФИНГ>, *Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические. 1907–1910* (М.: Мусaget, 1912).
- МОЛОДЯКОВ (2010) — МОЛОДЯКОВ В., *Валерий Брюсов. Биография* (СПб.: Вита Нова, 2010).
- НУСИНОВ (1933) — НУСИНОВ И., «“Маски” в маске. Об Андрее Белом», *Литературная газета* (1933), № 248, 29 апреля, с. 3.
- ПАСТЕРНАК (2004) — БОРИС ПАСТЕРНАК, *Полное собрание сочинений в 11 томах*, т. 2 (М.: Слово, 2004).
- ПЕТРОВ (2017) — ПЕТРОВ В.В., «Революция сознания” в работах Андрея Белого 1917–1919 гг.», *Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы*, отв. ред. В.В. ПОЛОНСКИЙ, ред.-составители В.М. ВВЕДЕНСКАЯ, Е.В. ГЛУХОВА, М.В. КОЗЬМЕНКО (М.: ИМЛИ РАН, 2017), с. 56-76.
- ПЕТРОВ (2018) — ПЕТРОВ В.В., «Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике», *Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г.*, отв. ред. А.В. ЧЕРНЯЕВ (М.: Гнозис, 2018), с. 69-92.
- ПРИЛЕПИН (2010) — ПРИЛЕПИН З., *Леонид Леонов* (М.: Молодая гвардия, 2010).
- СОБОЛЕВ (2003) — СОБОЛЕВ А.А., *Весы. Ежемесячник литературы и искусства. Аннотированный указатель содержания* (М.: Трутень, 2003).
- СПИВАК (2006) — СПИВАК М., *Андрей Белый — мистик и советский писатель* (М.: РГГУ, 2006).
- СПИВАК, НАСЕДКИНА (2013) — *Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты*, сост. М. СПИВАК, Е. НАСЕДКИНА (М.: Новое литературное обозрение, 2013).
- Стенограмма — *Стенограмма собрания актива редакции журнала «Знамя» от 31 августа 1936 г. (Процесс троцкистского центра)*, РГАЛИ, Ф. 631 (Союз писателей СССР), оп. 16, ед. хр. 51, л. 1-93.
- ШАГИНЯН (1937) — ШАГИНЯН М., «Чудовищные ублюдки», *Литературная газета* (1937), № 641, 26 января, с. 4.
- ШАЛАМОВ (2004) — ШАЛАМОВ В., «Записные книжки 1954–1979 гг.», В. ШАЛАМОВ, *Несколько моих жизней: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела* (М.: Эксмо, 2004).
- ШАЛАМОВ (2005) — ШАЛАМОВ В., *Собрание сочинений в 6 томах, т. 6: Переписка* (М. Терра-Книжный клуб, 2005), <https://shalamov.ru/library/24/24.html> (август, 2018).
- ЭЛЛИС (1908) — ЭЛЛИС, «Еще о соколах и ужах. О последних драмах Максима Горького: “Варвары”, “Враги”, “Последние”», *Весы* (1908), № 7, июль, с. 53-58.

Аннотация: В фокусе публикации — речь советского философа В.Ф. Асмуса, с которой он выступил в редакции журнала «Знамя» 31 августа 1936 г., через несколько дней после Первого московского процесса, на котором были приговорены к смерти и расстреляны 16 членов так называемой «объединенной оппозиции». Асмус посвятил свое выступление разоблачению “контрреволюционной” деятельности тогда уже покойного теоретика символизма Андрея Белого. Выдвинутые обвинения базировались на надуманной и предвзятой интерпретации публикаций тридцатилетней давности, печатавшихся Белым и его соратниками в символистском журнале «Весы» (1904–1909). Показано, что В.Ф. Асмус интерпретирует литературно-критические статьи Белого как политическую полемику; при этом он атрибутирует Белому публикации других авторов и намеренно искажает факты. В контексте политической ситуации 1930-х годов обсуждаются биографии и мотивы лиц, причастных к работе над опубликованным в серии «Литературное наследство» томом, посвященным наследию А. Блока, В. Брюсова и Андрея Белого (1938). Отмечено, что в опубликованной там статье Асмус, обсуждая литературный журнал «Весы», сознательно переключает разговор на сборник политической публицистики «Вехи», который был подготовлен другой группой авторов и не имел к «Весам» отношения. Подобная подстановка дает ему возможность перевести свою критику в политическую плоскость.

Ключевые слова: Валентин Асмус, Андрей Белый, Большой террор, русский символизм, журнал «Весы».

ПЕТРОВ Валерий Валентинович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, директор Центра античной и средневековой философии и науки. Институт философии РАН; campas.iph@gmail.com

Valery PETROFF

V.F. ASMUS AND ANDREY BELY IN 1936

The article treats the speech by the Soviet philosopher Valentin Asmus, that was delivered during the meeting held at the office of “Znamya” literary magazine in August 31, 1936, just several days after the First Moscow Trial, at which 16 members of so-called “united opposition” were sentenced to death and executed. Asmus’s speech was devoted to exposing the “counter-revolutionary” activities of the then-deceased theoretician of symbolism Andrei Bely. Accusations were based on an analysis of Bely’s and his associates’ publications made 30 years earlier in a symbolist magazine “Vesy” (1904-1909). These charges were artfully rigged and were mostly false. The biographies of persons involved in this event are examined, together with their motives and careers.

Keywords: Valentin Asmus, Andrei Bely, Great Purge, Russian symbolism, “Vesy” magazine.

PETROFF, Valery, Dr.Sc. (in Philosophy), Chief Research Fellow, Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science at the RAS Institute of Philosophy; campas.iph@gmail.com

REFERENCES

ANTIPINA (2005) — ANTIPINA V.A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisatelei. 1930-1950-e gody* (M.: Molodaya gvardiya, 2005).

- ARTIZOV, NAUMOV (1999) — *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953*, pod red. A.N. YAKOVLEVA; sost. A. ARTIZOV, O. NAUMOV (M.: MFD, 1999). (Rossiya. XX vek. Dokumenty).
- ASMUS (1919) — ASMUS V.F. «O velikom plenenii russkoi kul'tury», *Zhizn'* (Kiev). № 2 (8-14.09.1919), s. 4-8.
- IFE (2005) — *Istoriko-filosofskii ezhegodnik '2004* (M. Nauka, 2005).
- ASMUS (1926A) — ASMUS V. «Advokat filosofskoi intuitsii (Bergson i ego kritika intellektualizma)», *Pod znamenem marksizma* (1926), № 3, s. 53-84.
- ASMUS (1926B) — ASMUS V. «Spornye voprosy filosofii», *Pod znamenem marksizma* (1926), № 7-8, s. 206–225.
- ASMUS (1933) — ASMUS V. *Marks i burzhuaizni istorizm* (M., 1933).
- ASMUS (1937) — ASMUS V.F. «Filosofiya i estetika russkogo simvolizma», *Literaturnoe nasledstvo 1937*, s. 1-53.
- ASMUS (1965) — ASMUS V.F. *Problema intuitsii v filosofii i matematike. Ocherk istorii: XVII nachalo XX v.* (M.: Mysl', 1965).
- ASMUS (1968) — ASMUS V.F. «Estetika russkogo simvolizma», ASMUS V.F. *VOPROSY TEORII I ISTORII ESTETIKI. SBORNIK STATEI* (M.: Iskusstvo, 1968), s. 531-609.
- ASMUS (2010) — ASMUS V.F. «Filosofiya v Kievskom universitete v 1914–1920 godakh (Iz vospominanii studenta)», *Valentin Ferdinandovich Asmus*, pod red. V.A. ZHUCHKOVA, I.I. BLAUBERG (M.: ROSSPEN, 2010), s. 298-328.
- BELYI (1908) — BELYI A. «Oblomki mirov. "Aleksandr Blok. Liricheskie dramy. Balaganchik. Korol' na ploshchadi. Neznakomka. Izd. Shipovnik. Spb. 1908"», *Vesy* (1908), № 5, s. 65-68.
- BELYI (1909A) — BELYI A. «Pravda o russkoi intelligentsii. Po povodu sbornika "Vekhi"», *Vesy* (1909), № 5, mai, s. 65-68.
- BELYI (1909B) — BELYI A. <Bugaev B.>, «Na perevale. XIV. Shtempelevannaya kul'tura», *Vesy* (1909), № 9, S. 72-80.
- BELYI (1930) — ANDREI BELYI. *Na rubezhe dvukh stoletii* (M.-L.: Zemlya i fabrika, 1930; 2-e izd., 1931).
- BELYI (1933) — ANDREI BELYI. *Nachalo veka* (M.: GIKhL, 1933).
- BELYI (1934) — ANDREI BELYI. *Mezhdru dvukh revolyutsii*, vstup. st. Ts. VOL'PE (L.: Izd-vo pisatelei v Leningrade, 1934).
- BELYI (1993) — «Avtobiografiya Andreya Belogo», *Minushee*. № 15 (M.: Atheneum; SPb.: Feniks, 1993), s. 365-367.
- BELYI (1994) — ANDREI BELYI, «Pochemu ya stal simvolistom i pochemu ya ne perestal im byt' vo vsekh fazakh moego ideinogo i khudozhestvennogo razvitiya», ANDREI BELYI. *Simvolizm kak miroponimanie* (M.: Respublika, 1994), s. 418-493.
- BELYI (1998) — *Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska / Publ.*, vstup. st., komment. A.B. LAVROVA i Dzh. MALMSTADA; Podgot. teksta T.V. PAVLOVOI, A.B. LAVROVA, Dzh. MALMSTADA (SPb.: Atheneum-Feniks, 1998).
- BELYI (2007) — «*Moi vechnyi sputnik po zhizni*». *Perepiska Andrey Belogo i A.S. Petrovskogo: Khronika družby*, Vstup. st., sost., komm. i pod. teksta Dzh. MALMSTADA (M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007).
- BELYI (2016) — ANDREI BELYI. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov*, sost. A.B. LAVROV, Dzh. MALMSTAD, nauch. red. M.L. SPIVAK (M.: Nauka, 2016) (Literaturnoe nasledstvo. T. 105).

- BELYI (2017) — ANDREI BELYI. *Nachalo veka. Vospominaniya*, obshch. red., poslesl. i komm. A.V. LAVROVA (M.: Dmitrii Sechin, 2017).
- BRYUSOV (1905) — AVRELIJ <BRYUSOV V.Ya.>, «Vekhi. I. Svoboda slova» (15 noyabrya 1905), *Vesy* (1905), № 11.
- BULGAKOV (1907) — BULGAKOV S.N. *Karl Marks kak religiozniy tip. Iz etyudov chelovekobrastva* (SPb., 1907).
- VAR'YASH (1926) — VAR'YASH A. *Istoriya novoi filosofii*. T. 1. Ch. 1: *Ratsionalisticheskii idealizm i materializm* (M., L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926).
- VISHNEVSKII 1936 — VISHNEVSKII V.V. «Nashi dela», *Literaturnaya gazeta* (1936), 5 sentyabrya, s. 3.
- VOL'PE (1934) — VOL'PE Ts. «O memuarakh Andrey Belogo», ANDREI BELYI. *Mezhdru dvukh revolyutsii*, vstup. stat'ya Ts. VOL'PE (L.: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1934), s. V-XXV.
- VORONIN (1984) — VORONIN S.D. «Stat'ya V.D. Bonch-Bruевичa “Arkhiv Andrey Belogo”», *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1984 god* (M.: Nauka, 1984), s. 273-276.
- GOGOL' (2009) — GOGOL' N.V. *Mertvye dushi, Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 17 tomakh*. T. 5 (M.–Kiev, 2009).
- GUL' (1992) — GUL' R. *Dzerzhinskii* (M.: Molodaya gvardiya, 1992).
- DEBORIN (1923) — DEBORIN L. «Dialektika d sisteme Fikhte», *Vestnik Sotsialisticheskoi akademii*. Kn. 3. (M.; Petrograd: Gos. izd-vo, 1923), c. 28-57.
- ZELINSKII (1931) — ZELINSKII K.L., «Professorskaya Moskva i ee kritik», *Literaturnaya gazeta* (1931), № 103, 19 yanvarya, s. 3.
- ZELINSKII (1935) — ZELINSKII K.L., «Poema strakha», v kn.: ANDREI BELYI. *Peterburg* (M., 1935), s. III-XXI.
- IGOSHEVA, PETROVA (2001) — *Zhurnal «Vesy» (1904-1909). Ukazatel' soderzhaniya*, sost. T.V. IGHOSHEVA, G.V. PETROVA, nauch. red. N.A. BOGOMOLOV (Velikii Novgorod, 2001).
- KAMENEV (1923) — KAMENEV L.B. *Mezhdru dvumya revolyutsiyami: sbornik statei*. 2-e izd. (M.: Novaya Moskva, 1923).
- KAPRALOV (1963) — KAPRALOV G. «...I nehego zhalovat'sya! “Fital” vedet nastuplenie», *Pravda* (1963), № 301, 28 oktyabrya, s. 4.
- KAREV (1925) — KAREV N. [Retsenziya] «Dialekticheskii materializm i logika. Ocherk razvitiya dialekticheskogo metoda v noveishei filosofii ot Kanta do Lenina. «Sorabkop». Kiev 1924 g.», *Pod znamenem marksizma* (1925), № 3, s. 247-252
- KORSAKOV (2017) — KORSAKOV S.N. *V.F. Asmus: korrektyv k obrazu* (SFK-ofis, 2017).
- KRZHIZHANOVSKII (1919) — FRATER TERTIUS, «Skazki: Skazochka ob istine; Monizm: skazka dlya filosofov; Po obe storony», *Zhizn'* (Kiev), 1919, № 2, 8-14 sentyabrya, s. 5-6.
- LAVROV (2009) — LAVROV A.V. «Shtrikhi k biografii Andrey Belogo i K.N. Bugaevoi (Po materialam arkhiva D. E. Maksimova)», *Literatura kak miroponimanie. Literature as a world view: Festschrift in honour of Magnus Ljunggren*, ed. by I. KARLSOHN, M. NILSSON, N. ZORIKHINA NILSSON (Göteborg: University of Gothenburg, 2009), s. 179-204.
- LAVROV (2015) — LAVROV A.V. *Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniya. Publikatsii* (M.: Novoe literaturnoe oborenie, 2015).
- LENIN (1905) — LENIN V.I. «Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura», *Novaya Zhizn'* (1905), № 12, 13 noyabrya.

- LENIN (1909) — LENIN V.I. «O “Vekhakh”», V.I. LENIN. *Sochineniya*. 4-e izd.. T. 16 (OGIZ, 1948), s. 106–114.
- Literaturnoe nasledstvo (1937) — Literaturnoe nasledstvo. T. 27-28 (M.: Zhurnal'no-gazetnoe obdinenie, 1937).
- LIFSHITS (2013) — LIFSHITS M. *Problema Dostoevskogo (Razgovor s chertom)* (M.: Akademicheskii Proekt, 2013).
- LYUBIMOV (2004) — LYUBIMOV N.M. *Neuvyadaemyi tsvet. Kniga vospominanii*. T. 2. (M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004)
- MAL'MSTAD (1993a) — «Iz “sekretnykh” fondov v SSSR», publ. Dzh. MAL'MSTADA, *Minuvshee*. Vyp. 12 (M.; SPb., 1993), s. 342-361.
- MAL'MSTAD (1993b) — A. BELYI i P.N. ZAITSEV. *Perepiska [okonchanie]*, publ. Dzh. MAL'MSTADA, *Minuvshee*. Vyp. 15 (M., SPb.: Atheneum; Feniks, 1993), s. 283-368.
- METNER 1912 — METNER E.K. <VOL'FING>, *Modernizm i muzyka. Stat'i kriticheskie i polemicheskoye. 1907-1910* (M.: Musaget, 1912).
- MOLODYAKOV (2010) — MOLODYAKOV V. *Valerii Bryusov. Biografiya* (SPb.: Vita Nova, 2010).
- NUSINOV (1933) — NUSINOV I. «“Maski” v maske. Ob Andree Belom», *Literaturnaya gazeta* (1933), № 248, 29 aprelya, s. 3.
- PASTERNAK (2004) — BORIS PASTERNAK. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh*. T. 2 (M.: Slovo, 2004).
- PETROFF (2017) — PETROFF V.V. «“Revolyutsiya soznaniya” v rabotakh Andreyana Belogo 1917–1919 gg.», *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniya i materialy*, otv. red. V.V. POLONSKIL, red.-sostaviteli V.M. VVEDENSKAYA, E.V. GLUKHOVA, M.V. KOZ'MENKO (M.: IMLI RAN, 2017), s. 56-76.
- PETROFF (2018) — PETROFF V.V. «Revolyutsiya 1917 g. v sovremennoi ei literaturno-filosofskoi apokaliptike», *Revolyutsiya, evolyutsiya i dialog kul'tur. Doklady k 100-letiyu russkoi revolyutsii na Dne filosofii v Institute filosofii RAN*, otv. red. A.V. CHERNYAEV (M.: Gnozis, 2018), s. 69-92.
- PRILEPIN (2010) — PRILEPIN Z. *Leonid Leonov* (M.: Molodaya gvardiya, 2010).
- SOBOLEV (2003) — SOBOLEV A.A. *Vesy. Ezhemesyachnik literatury i iskusstva. Annotirovanniy ukazatel' soderzhaniya* (M.: Truten', 2003).
- SPIVAK (2006) — SPIVAK M. *Andrei Belyi — mistik i sovetskii pisatel'* (M.: RGGU, 2006).
- SPIVAK, NASEDKINA (2013) — *Smert' Andreyana Belogo (1880–1934). Sbornik statei i materialov: dokumenty, nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety*, sost. M. SPIVAK, E. NASEDKINA (M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013).
- Stenogramma — Stenogramma sobraniya aktiva redaktsii zhurnala «Znamya» ot 31 avgusta 1936 g. (Protseess trotskistskogo tsentra), RGALI, F. 631 (Soyuz pisatelei SSSR), op. 16, ed. khr. 51, l. 1-93.
- SHAGINYAN (1937) — SHAGINYAN M. «Chudovishchnye ublyudki», *Literaturnaya gazeta* (1937), № 641, 26 yanvarya, s. 4.
- SHALAMOV (2004) — SHALAMOV V. «Zapisnye knizhki 1954–1979 gg.», V. SHALAMOV, *Neskol'ko moikh zhiznei: Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* (M.: Eksmo, 2004).
- SHALAMOV (2005) — SHALAMOV V. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh*. T. 6: *Perepiska* (M. Terra-Knizhnyi klub, 2005), — <https://shalamov.ru/library/24/24.html> (AVGUST, 2018).
- ELLIS (1908) — ELLIS, «Eshche o sokolakh i uzhakh. O poslednikh dramakh Maksima Gor'kogo: “Varvary”, “Vragi”, “Poslednie”», *Vesy* (1908), № 7, iyul', s. 53-58.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПАЙДЕВТИКИ

В.К. ПИЧУГИНА Педагогические воспоминания о будущем в трагедиях Еврипида и Софокла об Антигоне.....	7
В.Г. БЕЗРОГОВ Пособие Коменского Vestibulum в русскоязычном регионе: к истории русских переводов.....	29
В.В. РЫБАКОВ Учебник Яна Амоса Коменского «Преддверие» (Vestibulum).....	60
Ян АМОС КОМЕНСКИЙ Преддверие «Открытой двери к языкам»... / Januae linguarum reseratae Vestibulum... (<i>Ранняя версия</i>).....	69
Перевод с латинского, подготовка текста И.В. КУВШИНСКОЙ и В.В. РЫБАКОВА	
С.М. МАРЧУКОВА «Физика» Я.А. Коменского как пансофическое сочинение (предисловие к переводу).....	101
Ян АМОС КОМЕНСКИЙ Обозрение физики, преобразенной в согласии с Божественным светом.....	105
Перевод с латинского А.И. ЗОЛОТУХИНОЙ, примечания С.М. МАРЧУКОВОЙ и А.И. ЗОЛОТУХИНОЙ	

ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИХ СТАНОВЛЕНИЕ

А.В. СЕРЁГИН «Бескорыстная» добродетель в истории европейской этики: к генезису понятия.....	120
А.Ю. СЕРЕГИНА Доблесть католика: сэр Томас Эренделл и осада Эстергома (1595 г.)	164
Документы об участии сэра Томаса Эренделла в осаде Эстергома.....	173
I. Письмо Томаса Эренделла лорду Бёрли.....	173
II. Императорский диплом 1595 года.....	181
III. Осада Эстергома (Фрагмент. Ричард НОЛЛС, «Турецкая история», т. 2, с. 746-752).....	182
Перевод с английского и примечания А.Ю. СЕРЕГИНОЙ	

АНТИЧНАЯ МЫСЛЬ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ТРАДИЦИИ

А.С. АФОНАСИНА	
Эмпедокл в диалогах Платона: свидетельства и преемственность идей.....	197
Д.А. БАЛАЛЫКИН, Н.П. ШОК	
Психосоматическое единство организма человека в медицине Галена (на примере трактата «Об учениях Гиппократов и Платона»).....	209
Н.П. ВОЛКОВА	
Плотин о родах сущего.....	226
П.П. ГАЙДЕНКО	
Движение и материя в физике Аристотеля и механике Галилея.....	247

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ТЕКСТОВ И СОБЫТИЙ

А.В. КУЛЬПИНА	
Деривационные словари и латинская ученость в Италии XI–XIII веков.....	269
И.Г. КОНОВАЛОВА	
«Описание Восточной Европы» начала XIV века как географическое сочинение.....	287
М.С. ПЕТРОВА	
Знание, полученное во сне... к вопросу об интерпретации «Трагедии человека» Имре Мадача..	302
М.В. ЕГОРОВ	
«Я начинаю <i>кай</i> — слушай, <i>палам</i> »: чудесный дар в эпической традиции тюрков Южной Сибири.....	322
В.В. ПЕТРОВ	
Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме.....	349
С.Н. КОРСАКОВ	
В.Ф. Асмус: коррективы к образу.....	391
<i>Приложение</i> : В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году (В.В. ПЕТРОВ).....	415
О.С. НАГОРНЫХ	
Медицина СССР и Китая в 1950-е годы: традиции и интеграция практик.....	453
В.Л. СЕМИГИН	
Материалы для полной библиографии Д.С. Мережковского.....	464
CONTENTS.....	507
Для авторов.....	509

CONTENTS

THE ISSUES OF PAIDEUTICS

PICHUGINA, Victoria	
Pedagogical memorials about the future in the tragedy about Antigone by Euripides and Sophocles.....	7
BEZROGOV, Vitaly	
Reception of the Comenius's <i>Vestibulum</i> in Russia: history of the first translations.....	29
RYBAKOV, Vladimir	
John Amos Comenius. Antechamber (<i>Vestibulum</i>) — a textbook for primary school.....	60
JOHANN AMOS COMENIUS	
Antechamber to the gate of languages... / Januae lingvarum reseratae <i>Vestibulum</i> ... (Early version).....	69
Translation from Latin by Irina KUVSHINSKAYA and Vladimir RYBAKOV	
MARCHUKOVA, Svetlana	
“Physics” of J.A. Comenius as a pansophic work (Preface to the translation).....	101
JOHANN AMOS COMENIUS	
<i>Naturall philosophie reformed by divine light</i>	105
Translation from Latin by Anastasia ZOLOTUKHINA, notes by Svetlana MARCHUKOVA and Anastasia ZOLOTUKHINA	

ETHICAL VALUES AND THEIR FORMATION

SEREGIN, Andrei	
“Disinterested” virtue in the history of European ethics: some remarks on the genesis of this notion.....	120
SEREGINA, Anna	
A Catholic's courage: Sir Thomas Arundell and the siege of Esztergom (1595).....	164
Documents concerning Sir Thomas Arundell's participation in the siege of Esztergom.....	173
Translation from English and notes by Anna SEREGINA	

ANTIQUÉ THOUGHT AND ITS RECEPTION IN THE LATER TRADITION

AFONASINA, Anna	197
Empedocles in Plato's dialogos: evidences and the continuity of ideas.....	197
BALALYKIN, Dmitry; SHOK, Nataliya	
Psychosomatic unity of the human body in the medicine of Galen (As exemplified in the treatise "De placitis Hippocratis et Platonis".....	209
VOLKOVA, Nadezhda	
Plotinus on genera of being.....	226
GAIDENKO, Piama	
Movement and matter in Aristotle's physics and Galilei's mechanics.....	247

INTERPRETATION OF SOURCES, TEXTS, AND EVIDENCE

KULPINA, Alexandra	
Derivational dictionaries and Latin scholarship in Italy during XI th – XIII th centuries.....	269
KONOVALOVA, Irina	
"Descriptio Europae Orientalis" of the early XIV th century as a geographical work.....	287
PETROVA, Maya	
Knowledge received in a dream... (To the interpretation of Imre Madách's "The Tragedy of Man".....	302
EGOROVCHIN, Mikhail	
"I'm starting the <i>kai</i> — listen, <i>palam</i> ": the miraculous gift in the epic tradition of South Siberian Turkic nations.....	322
PETROFF, Valery	
The revolution in physics and Andrei Bely's anthroposophical doctrine of the solar atom.....	349
KORSAKOV, Sergey	
V.F. Asmus: adjustments to the image.....	391
<i>Appendix</i> : V.F. Asmus and Andrey Bely in 1936 (Valery PETROFF)..	415
NAGORNYKH, Olga	
Medicine of the USSR and China in the 1950s: traditions and integration of practices.....	453
SEMIGIN, Valery	
Materials for a complete bibliography of D.S. Merezhkovsky.....	464
FOR CONTRIBUTORS.....	509

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ВЫПУСК 4

Главный редактор
Майя Станиславовна Петрова

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

*Утверждено к печати
Ученым советом Института философии РАН*

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> (по автору)
<http://www.doi.org/> (по DOI)

В.К. ПИЧУГИНА
10.21267/AQUILO.2018.4.17494

В.Г. БЕЗРОГОВ
10.21267/AQUILO.2018.4.17508

В.В. РЫБАКОВ
10.21267/AQUILO.2018.4.17509

С.М. МАРЧУКОВА
10.21267/AQUILO.2018.4.17511

А.И. ЗОЛОТУХИНА (ПЕР., ПРИМЕЧ.);

С.М. МАРЧУКОВА, (ПРИМЕЧ.)
10.21267/AQUILO.2018.4.17512

А.В. СЕРЁГИН
10.21267/AQUILO.2018.4.17513

А.Ю. СЕРЕГИНА
10.21267/AQUILO.2018.4.17514

А.Ю. СЕРЕГИНА (ПЕР.)
10.21267/AQUILO.2018.4.17517

А.С. АФОНАСИНА
10.21267/AQUILO.2018.4.17518

Д.А. БАЛАЛЫКИН; Н.П. ШОК
10.21267/AQUILO.2018.4.17519

Н.П. ВОЛКОВА
10.21267/AQUILO.2018.4.17520

П.П. ГАЙДЕНКО
10.21267/AQUILO.2018.4.17522

А.В. КУЛЬПИНА
10.21267/AQUILO.2018.4.17524

И.Г. КОНОВАЛОВА
10.21267/AQUILO.2018.4.17526

М.С. ПЕТРОВА
10.21267/AQUILO.2018.4.17528

М.В. ЕГОРЧКИН
10.21267/AQUILO.2018.4.17531

В.В. ПЕТРОВ
10.21267/AQUILO.2018.4.17534

С.Н. КОРСАКОВ
10.21267/AQUILO.2018.4.17538

В.В. ПЕТРОВ
10.21267/AQUILO.2018.4.17539

О.С. НАГОРНЫХ
10.21267/AQUILO.2018.4.17540

В.Л. СЕМИГИН
10.21267/AQUILO.2018.4.17541

Издательство «Аквилон» (Москва)

aquilopress@gmail.com ; <https://www.aquilopress.com> ; +7 (968) 924-97-30

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Подписано в печать 10. 10. 2018
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать цифровая
Усл. печ. л. 35. Тираж 600

Отпечатано в типографии Onebook.ru
«Сам Полиграфист». Москва, Волгоградский пр.,
д. 42, стр. 5; info@onebook.ru ; www.onebook.ru
тел. +7 (495) 545-37-10

ISSN 2307-8189

Эл. № ФС77-54409

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Полные электронные версии выпусков представлены на сайтах
<https://www.aquilopress.com>

<http://roii.ru/publications/intellectual-tradition>

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-54409 от 10 июня 2013 г.)
Электронная версия — Эл. № ФС77-54409